

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2007

Содержание

1. КАПУСЦИНСКИЙ — КРУПНЕЙШИЙ ПОЛЬСКИЙ РЕПОРТЕР
2. ПАМЯТИ РЫШАРДА КАПУСЦИНСКОГО
3. ИНОЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»
6. О «ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» ЧЕСЛАВА МИЛОША
7. СТИХОТВОРЕНИЯ
8. ДЛЯ ТОГО ЛИ ОНА УМЕРЛА?..
9. КРАКОВ — ГОРОД ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

КАПУСЦИНСКИЙ — КРУПНЕЙШИЙ ПОЛЬСКИЙ РЕПОРТЕР

Рышард Капусцинский родился в 1932 г. в Пинске на Полесье (ныне Белоруссия). Однажды он признался, что так охотно ездил в бедные страны потому, что в них было что-то от Полесья.

Когда вспыхнула война, ему было семь лет. Семья успела бежать от советской оккупации и поселилась в Серакове, в Кампиносской пуще. Когда в интервью ему задавали вопросы о страхе, который он испытывал, находясь в качестве репортера на различных фронтах планеты, он говорил: “Для тех, кто пережил войну, она никогда по-настоящему не кончается”.

Школу он закончил в 1950 году. Уже тогда он был многообещающим спортсменом, вице-чемпионом Варшавы по боксу среди юниоров. Еще он писал стихи. Впервые они были опубликованы в еженедельнике “Дзись и ютро” (“Сегодня и завтра”), когда ему было всего 17 лет. Благодаря поэтическим публикациям на молодого автора обратили внимание редакторы ежедневной газеты “Штандар млодых”. После школы он начал работать курьером. Со временем одаренный курьер начал печатать собственные репортерские заметки. В 1951 г. он поступил на факультет польской филологии Варшавского университета, но затем все-таки перешел на исторический.

21 августа 1955 г. была опубликована знаменитая “Поэма для взрослых” Адама Важика, повествовавшая о беспросветной жизни строителей металлургического комбината в Новой Гуте под Краковом. Партийные органы сочли поэму антипролетарским сочинением. “Штандар млодых” отправил Капусцинского в командировку в Новую Гуту. 30 сентября 1955 г. в газете появился его репортаж “Это тоже правда о Новой Гуте”. Правдой были почти первобытные, нечеловеческие условия жизни рабочих, грязь, голод, отсталость. На волне польской “оттепели” 1956 года Капусцинский получил за этот репортаж первую свою награду — золотой крест ордена Заслуги.

Чтобы молодой репортер перестал заниматься неудобными темами, редакция отправила его в далекие командировки. В 1956 г. он отправился в Индию, побывал в Афганистане и Пакистане. Поговорить он ни с кем не мог, потому что говорил только по-польски. В римском аэропорту он купил английское издание “По ком звонит колокол” Хемингуэя, а словарь захватил с собой в чемодане. Так он выучил английский.

В 1957 г. Капусцинский уволился из “Штандара молодых”. Он попал в Польское агентство печати (ПАП), а позднее Дариуш Фикус предложил ему штатную должность в самом популярном польском еженедельнике “Политика”.

В начале 60-х рождался “третий мир”. Получило независимость Конго, самая недоступная страна Африки, но сразу же после этого она пережила военный путч, бельгийскую интервенцию, анархию и кровавую резню. Въехать туда с польским паспортом было невозможно. Капусцинский нелегально, через джунгли, пробрался в Конго. Он описал это спустя 18 лет в сборнике “Футбольная война” (1978).

В 1962 г. он вернулся в ПАП и стал корреспондентом в Африке. О зарождении “третьего мира” он писал в сборниках репортажей “Черные звезды” (1963) и “Если бы вся Африка” (1969). С этого момента о книгах Капусцинского рецензенты напишут больше слов, чем содержится в самих этих книгах. Сам автор считал, что книга “Еще день жизни” (1976) возникла только потому, что в Анголу не хотел ехать ни один журналист. В Иран он поехал потому, что туда боялся поехать один его коллега. В Африке Капусцинский заболел туберкулезом и малярийным менингитом. В середине 1967 г. он отправился в поездку по семи среднеазиатским и закавказским республикам СССР. Результатом этой поездки стала книга “Киргиз сходит с коня” (1968). Рецензенты подчеркивали, что перед читателями возникал импрессионистский образ того, что до этого считалось единым монолитом — “советской Азией”.

Осенью 1967 г. он стал корреспондентом ПАП в Латинской Америке, где прожил пять лет: в Чили, Мексике, Боливии, Бразилии. Плодами этого периода стали книги “Почему погиб Карл фон Шпрети” (1970), повествующая о Гватемале на фоне истории похищения и убийства немецкого посла, и “Христос с винтовкой на плече” (1975) о Боливии, Доминиканской республике и Гаити.

Четыре раза его хотели расстрелять: солдаты, с которыми он сталкивался, подозревали, что он действует в пользу врагов. Однажды он избежал смерти только потому, что солдат,

который должен был его застрелить, был так пьян, что не мог справиться с револьвером. На двенадцати фронтах (из них несколько раз на передовой линии) ему пришлось бороться за то, чтобы выжить. Тем не менее он из принципа старался никогда не иметь при себе никакого оружия — даже ножа.

В 1974 г. он начал работать в варшавском еженедельнике “Культура” (это сотрудничество продолжалось до 1981 г.) и сразу поехал в Африку. В получившей независимость Анголе началась гражданская война. Ее события он описал в книге “Еще день жизни” (1976). В ней он свел факты к их чисто внешней стороне, выдвигая на первый план собственные ощущения. Тем самым он еще раз подчеркнул свой сугубо индивидуальный подход к описанию действительности. Это было предвестие нового жанра, мастером которого он станет в будущем: репортаж-эссе (как он сам это называл), не содержащий тысяч излишних цифр и фактов, где наблюдение становится лишь исходным пунктом для более широкого интеллектуального раздумья. “Один-единственный Капусцинский стоит тысячи скулящих и фантазирующих бумагомарателей”, — написал Салман Рушди в предисловии к английскому изданию.

Две следующие книги принесли Капусцинскому международную известность: “Император” (1978), история-притча о величии и падении императора Хайле Селассие в Эфиопии, и “Шяхиншах” (1982) — о дворе шаха Резы Пехлеви в Иране. Автора осыпали словами восхищения Джон Ле Карре, Норман Мейлер, Сьюзан Зонтаг. Джон Апдайк назвал “Императора” “волшебными раздумьями, нередко превращающимися в поэзию и афоризмы”. “Императора” сравнивали с прозой Камю и Вольтера. В 1983 г. газета “Санди таймс” присудила “Императору” звание “книги года”.

В августе 1980 г. Капусцинский поехал на Балтийское побережье, где в течение 12 дней наблюдал за событиями в Щецине, Гданьске и Эльблонге. К сожалению, от того периода сохранилось всего-навсего шесть машинописных страниц: свои записи он опубликовал десять лет спустя в “Лapidариуме” (1990).

1989 год стал началом путешествия по распадающейся советской империи. С перерывами оно продлилось до 1991-го. Автор проехал более 60 тысяч километров и беседовал более чем с полутора тысячами людей. “Империя” стала третьей книгой Капусцинского, встретившейся с оглушительным успехом на Западе. Ее автор стал самым переводимым

польским писателем. В разных странах мира “Император” был издан 28 раз, “Империя” — 23 раза.

В 1986 г. читатели познакомились со зрелым поэтическим творчеством Капусцинского, выпустившего стихотворный сборник “Записная книжка”. В 1990 г. вышел первый том “Лепидариума” — сборника коротких записей и заметок, связанных с книгами и путешествиями. Следующие тома этого цикла все чаще перестают быть личными наблюдениями, а становятся размышлениями о судьбах мира. Когда Капусцинский начал писать “Эбен” (1998) — крупное эссе об Африке, — он собрал у себя в библиотеке 260 книг и монографий об этом континенте. Он хотел, чтобы в этой книге были систематизированы знания человека из Европы о Черном континенте.

А еще он мечтал написать такую книгу, чтобы в ней, как в этой книге об Африке, был бы представлен обобщенный образ нашей планеты, увиденный глазами репортера. Лучше всего, если бы это была история “Одного дня планеты”, а начал бы он ее описанием того, как солнце встает над Тибетом, над Сахарой, над Флоренцией и над Лимой...

Он скончался после тяжелой и продолжительной болезни в больнице варшавской Медицинской академии за два месяца до своего 75-летия.

“Газета wyborча”, 2007, 24 янв.

Андрей Блинушов

ПАМЯТИ РЫШАРДА КАПУСЦИНСКОГО

23 января 2007 года умер известный польский журналист, писатель Рышард Капусцинский. Знаменитый путешественник, репортер, философ.

Его нечасто переводили на русский язык — тем ценнее для понимающего читателя была каждая книжка Капусцинского.

Несколько десятилетий Рышард Капусцинский пытался понять иные народы и культуры, путешествовал, пытался найти ключи к взаимопониманию. И самопониманию. Не только для себя лично. Для человечества.

“Другой — это зеркало, в которое смотрюсь я сам или в котором видят меня, зеркало, которое меня разоблачает и обнажает...”

Искренне соболезную польским друзьям в связи со смертью Рышарда Капусцинского.

Андрей Блинушов

редактор портала HRO.org, Рязанский “Мемориал”

ИНОЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ

Среди многих проблем, поднятых профессором и священником Юзефом Тишнером в его философских исследованиях, есть и размышления об Ином — о человеке, с которым мы встречаемся, вступаем в контакт, устанавливаем общение. Тишнер — единственный из известных мне польских мыслителей, кто так широко и до самой глубины рассматривал и развивал проблематику Иного. На чем основана важность этой проблематики, ее весомость и злободневность?

В области философских наук первая половина XX века прошла под знаком онтологии и эпистемологии Гуссерля и Хайдеггера. Но ни один из них не ставит этику на первое место. Между тем опыт ушедшего века, с его трагическими для рода человеческого и его культуры последствиями, естественным образом вызывает необходимость поднять именно эту проблематику. Ибо на европейской почве в первые десятилетия минувшего века обнаруживаются два новых феномена, неизвестных в истории: первый — рождение массового общества, а второй — возникновение тоталитарных систем, угрожающих самому существованию человечества, — фашизма и коммунизма.

Рождение и взаимосвязи этих двух явлений и процессов приковывают внимание мыслителей и писателей этой эпохи — Хосе Ортеги-и-Гассета, Эриха Фромма, Ханны Арендт, Теодора Адорно и многих других. Они стремятся воспринять этот поразительный мир, который атакует их отовсюду, хотят изучить его, понять и определить. Ключевым словом описания становится эпитет “массовый”. Существует массовая культура и массовая истерия, массовые вкусы (или скорее безвкусица) и массовое безумие, массовое порабощение и, наконец, массовое уничтожение. Единственным героем на сцене мира остается толпа, а главная черта этой толпы, этой массы — безымянность, безликость, отсутствие самосознания, отсутствие личности. Личность потеряна в этой толпе, масса залила ее, над ней сомкнулись темные воды. Она стала, по определению Габриэля Марселя, “безличным анонимом в частичном состоянии”.

Течение, занимавшееся критикой такого состояния вещей, произвело ряд выдающихся трудов, стремящихся показать человеческую судьбу в обобщенной форме — как опыт

множества и как совместно переживаемую драму. Среди очень многих названий можно упомянуть хотя бы “Бунт масс”, “Одиночество толпы” или “Корни тоталитаризма”.

Однако в какой-то момент, следя за анализом, наблюдениями и теориями этих мыслителей, мы начинаем чувствовать, что чего-то не хватает, в ходе их рассуждений и синтеза нам недостает важного звена, и это недостающее звено — личность, выделенный из массы конкретный человек, конкретный “я” и конкретный Иной, ибо, согласно утверждению философов диалога, “я” может начать существовать как определенное бытие только в отношении к — в отношении к Иному, когда он появится на горизонте моего мышления, придавая ему смысл и устанавливая мою роль.

В “Философии драмы” Тишнер писал:

“У истоков происхождения сознания „я” лежит присутствие „ты”, а быть может, даже более общего „мы”. Только в диалоге, в споре, в противостоянии, а также в устремлении к новой общности создается сознание моего „я” как существа самосущего, отличного от иного. Я знаю, что я есмь, потому что знаю, что Иной есть”.

Из потребности этого опыта, этого переживания и возникает философия диалога.

Философия диалога — то направление, ориентация или течение, которое стремится заняться проблематикой человека — “я” и, что крайне важно, его отношениями с другим человеком, с Иным. Эта обогащающая переориентация с проблематики чисто онтологической на более широкую этическую, это радикальное сближение философской мысли с человеком как существом единичным, отдельным, несравнимым и неповторимым отчетливо видны и в сочинениях Юзефа Тишнера: мысль о встрече “я” с Иным, обозначившаяся еще в “Мышлении согласно ценностям” (1982), выходит на первый план в “Философии драмы” (1990).

В наше время это течение создавали и особенно последовательно развивали Мартин Бубер и Франц Розенцвейг, Габриэль Марсель и Эмманюэль Левинас, к которому Тишнер обращается особенно часто.

Специфические праистoki философии диалога, или, как ее еще называют, философии встречи либо философии Иного, особенно в тех суждениях, где она говорит, что путь к Богу лежит через Иного, что в лице Иного мы способны узреть Его

лик, мы можем усматривать в той античной эпохе антропоморфизма, когда человеческое воображение еще не провело границы между миром богов и людей и в этом мире божество представляли наподобие человека и наоборот.

Философией Иного Юзеф Тишнер занимался страстно и проницательно вплоть до конца своего земного странствования. Он неутомимо гласил ее убеждения и принципы — и как раз сегодня, в те времена, в которые мы живем, в этом содержится глубокий гуманизм и истинный героизм. И, помимо чисто научной ценности, она потому обладает такой высокой ценой, что открыто и отважно выступает в защиту другого человека, в защиту Иного в мире, так часто поддающемуся соблазнам эгоизма и безудержного потребительства.

Великая заслуга этой философии состоит в том, что она вообще говорит об отдельном человеке, о каждой личности как ценности в себе, постоянно напоминает о ее существовании, ее праве на бытие и самовыражение. В нашем постмодернистском шуме, в нашем смещении языков бесценен этот сильный, выразительный голос, выдвигающий на первый план такие ценности, как самосознание, уважение, способность замечать и ценить другого человека — Иного. Но и это еще не все. Потому что, развивая и обогащая мотивы, выступающие в философии Эмманюэля Левинаса, особенно в его книге “Целое и бесконечность”, Тишнер говорит, что “я” не только должно соотноситься с Иным, но еще и брать на себя ответственность за него и быть готовым нести последствия такого решения, такой позиции. Есть ли в этом христианский жест самопожертвования? Да, самопожертвования, самоотречения и смирения.

Проблему Иного и отношений с ним, отношения к нему до сих пор философия встречи обычно рассматривала в ситуации очевидной непосредственности и в рамках той же культуры. Этому философскому направлению еще предстоят широкие исследования отношений “я—Иной”, когда одна из сторон принадлежит к другой расе, религии или культуре. В какой степени это будет усложнять ход нашего размышления, делать его более сложным, трудным и многозначным?

Это безмерно важно сегодня, когда мы живем во многокультурном мире, а успехи средств коммуникации делают эту многокультурную природу нашей современности всё более очевидной, зримой и вездесущей. Наша планета, правда, всегда была многокультурной, с незапамятных времен люди говорили на ней разными языками и верили в разных

богов, но судьба мира пошла так, что в последние пять веков над нами господствовала европейская культура или цивилизация и поэтому, говоря “мы”, мы имели в виду: мы, все люди, — хотя речь шла только о нас, европейцах. Однако сегодня мы начинаем уже необратимо входить в эпоху, когда простое равенство “мы = европейцы” поставлено под сомнение продолжающимися историческими переменами.

В результате этих перемен пробудились, ожили и начали требовать равноправного места за “круглым столом” мира другие, весьма многочисленные культуры, до сих пор или находившиеся под чужим господством, или отодвинутые на обочину истории. При этом они амбициозны и динамичны и в то же время обладают сильно развитым ощущением ценностей. В своих стараниях добиться нового места под солнцем и признать достойные права за Иным философы и мыслители этих встающих на ноги культур могут черпать вдохновение в достижениях мысли краковского священника, мыслителя из деревни Лопушна.

Тишнер и другие диалогики стремятся посеять в нас спасительную тревогу, дать нам осознать существование и даже близость Иного, необходимость почувствовать себя ответственными за него и, более того, признать, что эта ответственность — важная этическая заповедь. Какова же отвага в самом поднятии этой темы и указании на ее трансцендентный аспект в тот момент, когда в современной культуре господствует готовность ограничиваться и замыкаться в своем частном, эгоистичном “я”, в тесно изолированном кругу, где можно удовлетворять свои влечения и прихоти потребителя. Противостояние соблазнам и диктату потребительства, дух ответственности за другого — вот в чем Юзеф Тишнер видит долг и даже прямую обязанность человека.

Размышления об Ином побуждают Юзефа Тишнера рассматривать природу и содержание встречи “я” с Иным, встречи, которая, как он многократно подчеркивает, должна стать важным событием. К встрече следует внутренне готовиться, ибо ей предстоит стать противоположностью тому, как мы повседневно и равнодушно проходим в толпе друг мимо друга. Встреча — это переживание, заслуживающее не быть забытым, она может стать глубоким опытом. И опять-таки Тишнер напоминает нам, чтобы, встречая Иного, мы все время сознавали вес этого факта, сознавали его место и роль в частной, индивидуальной духовной истории нашего собственного “я”. Напоминая об этом, он хочет поднять существенной ступенью выше характер, содержание и

серьезность межчеловеческих отношений, их значение для нас и влияние на нас.

Однако что составляет главное содержание встречи? Это содержание — диалог. В последних текстах автора “Польской формы диалога” постоянно встречаются обороты типа “открытость к диалогу”, “плоскость диалога”, “диалогическая перспектива”, “диалогическое сознание” и т.п. Левинас определяет это так: “человек есть существо, которое говорит”. А следовательно — диалог. Целью этого диалога должно быть взаимное понимание, а его целью — взаимное сближение, причем понимание и сближение достигаются путем познания. Каково предварительное условие всего этого процесса, этого уравнивания? Это условие — хотеть познавать, желать обратиться к Иному, выходить ему навстречу, вступать с ним в разговор. Однако в жизненной практике это оказывается безмерно трудным. Человеческий опыт показывает, что в первый момент человек рефлекторно реагирует на Иного сдержанно, недоверчиво или просто неприязненно, а то и враждебно. Все мы, люди, на протяжении истории нанесли друг другу слишком много ударов, причинили слишком много боли, чтобы могло быть иначе. Поэтому целые цивилизации характеризовались чувством отчуждения от Иного. Греки называли негреков варварами — теми, кто не говорит, а бормочет, кого невозможно понять, а значит, лучше их держать на расстоянии — на расстоянии и в унижении. Римляне воздвигали против Иного сеть пограничных укреплений — *limes*. Китайцы называли пришельцев из-за океана морскими чудовищами и старались не подпускать их близко к себе.

А в наше время? Наглость отношения одних к культуре и религии других? А архипелаги всяческих гетто и лагерей, расползшиеся по нашей планете? Всяческие стены и запоры, рвы и засеки? Сколько же этого повсюду, на всех континентах! Какой же трудный вызов бросают нам успехи средств коммуникации последних десятилетий. С одной стороны, они заведомо сближают нас друг с другом, но истинно ли сближают? Между человеком и человеком, между “я” и Иным ввели технического посредника — электрическую искру, электронный импульс, сеть, кабель, спутник. Индийское слово “упанишада” означало: сидеть близко, быть близко. “Я” передавало себя Иному не только словом, но и своей близостью, непосредственностью, бытием вместе. Этого опыта, этого переживания ничто не в состоянии заменить.

Парадоксальность этой медийной ситуации идет дальше. С одной стороны, растет глобализация СМИ, но с другой — повышается их уплотненность, несогласованность, хаос. Чем больше у человека контакта со СМИ, тем больше он жалуется на потерянность и одиночество. В начале 60 х, когда телевидение все еще было в пленках, Маршалл Маклюэн употребил термин “глобальная деревня”. Маклюэн был католиком, страстным миссионером и воображал себе, что новое СМИ сделает всех нас братьями, живущими в одной общине веры. Это определение Маклюэна, которое сегодня повторяют не задумываясь, оказалось одной из самых крупных ошибок современной культуры. Ибо суть деревни в том, что ее жители хорошо знают друг друга, общаются, делят общую судьбу. Между тем ничего такого нельзя сказать об обществе нашей планеты, которое скорее напоминает бегущую в спешке анонимную толпу в большом аэропорту, толпу взаимно безразличных людей, не знающих друг друга.

Только на таком фоне мы еще выразительней чувствуем глубокий гуманизм, жар и надежду учения Юзефа Тишнера о “я” и Ином как основу человеческой гармонии на земле.

Перевод Натальи Горбаневской

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Целых 73% поляков считают минувший год удачным. Только 25% относят его к неудачным. Крайних пессимистов всего 8% (...) “Уходящий год был рекордным по уровню личного оптимизма поляков”, — говорит Уршуля Крассовская из ЦИОМа». («Дзенник», 30 дек.)

• «Поляки покупают все больше бриллиантов. Польские ювелирные фирмы продают на несколько десятков процентов больше бижутерии с бриллиантами, чем в предыдущие годы». («Жечпосполита», 2 янв.)

• «Уход Лешека Бальцеровича с поста председателя Польского национального банка (ПНБ) закрывает целую эпоху в польской истории — именно в истории Польши, а не экономики или преобразований (...) Бальцерович будет в программе польских школ через 50 и через 100 лет, а кроме Леха Валенсы и, возможно, Тадеуша Мазовецкого ни один из живущих ныне поляков не может быть уверен, что его имя тогда все еще будет упоминаться. Бальцерович полон сил и не уходит на пенсию. Наверняка многие институты, особенно заграничные, будут приглашать его и предлагать ему должности столь же высокие, сколь и престижные. Однако при нынешней коалиции это уже не будут государственные должности в Польше. Демагоги, которых объединяет антибальцеровичевская истерия, не допустят, чтобы во времена их правления компетентность и способности Бальцеровича могли продолжать служить польскому государству». («Тыгодник повсехный», 14 янв.)

• «Тот, кого весь мир признаёт человеком, выведшим Польшу из кризиса, в самой Польше провозглашен виновником этого кризиса (...) На Бальцеровича возлагают вину за все недочеты экономических преобразований — даже за те, на которые он не имел ни малейшего влияния или которые вообще были допущены вопреки его воле. Однако история, вероятно, оценит его как одного из самых полезных для Польши патриотов своего времени». (Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 10 янв.)

• «Итоги своего руководства ПНБ Бальцерович подвел характерным для себя образом — приводя сухие цифры. Когда в 2001 г. он пришел в ПНБ, инфляция составляла 10%. Сегодня

цены растут со скоростью около 1,5% в год. Стоимость кредита упала с 19 до 4%». («Жечпосполита», 10 янв.)

• «Падение курса злотого и распродажа акций на бирже — так выглядел польский финансовый рынок на следующий день после объявления кандидатуры Славомира Скшипика на пост председателя ПНБ (...) Доллар подорожал на 5 грошей, евро — на 4 гроша (...) Вниз пошли биржевые индексы: WIG опустился на 1,6%, а WIG20 — на 2%». («Дзенник», 5 янв.)

• Министр регионального развития Гражина Генсицкая: «В 2006 г. Польша использовала все средства, выделенные ей Евросоюзом». («Тыгодник повшехный», 7 янв.)

• «Европейская комиссия поддержит семь из десяти представленных Польшей проектов. Больше всех получают дорожники: пять проектов касаются автострад и скоростных дорог (...) В общей сложности на польские проекты будет выделено 24,2 млн. евро, т.е. 19,2% той части бюджета ЕС, которая предназначена на транспортные инвестиции в рамках сети TEN-T. Польша добивалась дотаций в размере 27,6 млн. евро». («Жечпосполита», 11 янв.)

• «Европейский парламент утвердил бюджет ЕС на 2007 год. Больше всего дотаций в рамках европейской региональной политики достанется Польше: мы получим из общей кассы в четыре раза больше, чем внесем в нее». («Тыгодник повшехный», 24 дек.)

• «По данным министерства сельского хозяйства и развития деревни, еще три года назад в Польше было зарегистрировано 3 тыс. экологических хозяйств, в 2005 г. — свыше 7 тыс., а сегодня — более 9 тысяч (...) Если такой темп сохранится, то в 2009 г. в Польше будет более 30 тыс. экологических ферм, а площадь обрабатываемых экологическими методами сельскохозяйственных угодий превысит 3% от общей посевной площади (в настоящее время — 1%). Переход на экологические методы выгоден фермерам, несмотря на снижение урожайности на 20–40% и увеличение времени откорма скота в два раза. Кроме обычной дотации, хозяйство с сертификатом ежегодно получает экологическую дотацию — от 300 до 1800 злотых на гектар. Кроме того, оно может больше заработать, так как цены овощей, фруктов и зерна с сертификатом иногда бывают даже в два раза выше». («Ньюсуик-Польша», 17 дек.)

• «Животные под защитой закона. [Пока что] практика расходится с требованиями законодательства, хотя штрафы за

жестокое обращение могут быть высокими (...) Если бы в сочельник звери заговорили человеческим голосом, им было бы в чем нас упрекнуть (...) Это должно измениться (...) Однако эти изменения — следствие не столько нашей доброй воли, сколько норм ЕС, которые мы и так должны принять». (Михал Косярский, «Жечпосполита», 23–26 дек.)

- «Сейм принял, а Сенат одобрил поправку, из-за которой смерть животных на скотобойнях станет еще мучительней (...) Раньше закон требовал, чтобы помещение, из которого скот ведут на убой, было акустически изолировано и отделено перегородкой от помещений, где животных оглушают и спускают им кровь. В новом, окончательно принятом вчера законе о защите прав животных такого требования уже нет (...) Это противоречит директиве ЕС (93/119/ЕС от 22 декабря 1993 г.) о защите животных во время убоя (...) Из-за снижения стандартов польское мясо может хуже продаваться на западных рынках». («Газета wyborcza», 14 дек.)

- «Согласно осторожным расчетам, в течение 2006 г. западные концерны инвестировали в Польше свыше 10 млрд. долларов». («Дзенник», 29 дек.)

- «С некоторых пор Государственная трудовая инспекция (ГТИ) отмечает небольшое уменьшение числа предпринимателей, недоплачивающих своим сотрудникам. Однако несмотря на это в 2005 г. в 56% проинспектированных фирм подобные случаи имели место (...) В 2005 г. ГТИ признала обоснованными 80% жалоб работников на нечестных предпринимателей ». («Политика», 16 дек.)

- «Поляки ставят на ноги профсоюзы на Британских островах. Профсоюзы развиваются благодаря новым членам из Польши, которые (...) борются за свои права. Англичане не перестают удивляться, что поляки так здорово организуются (...) Между тем у 60 тыс. польских работников нет другого выхода. Их права постоянно нарушаются, а зарплаты занижаются». («Дзенник», 18 дек.)

- «В последние годы поляки заново открыли русскую литературу. В 2006 г. варшавский книжный магазин “Русская книга” продал в 2,3 раза больше книг, чем в предыдущие годы. Поляки покупают главным образом классику, но спросом пользуются и новинки издаваемой в России беллетристики». («Жечпосполита», 3 янв.)

- «Директор ФСБ заявил, что в 2006 г. российские спецслужбы разоблачили 30 шпионов (...) Патрушев подчеркнул, что

“спецслужбы Польши ведут активную вербовочную деятельность среди российских граждан, в частности, проживающих на территории Калининградской области”». («Дзенник», 16-17 дек.)

- «Вчера на одной из дорог таможенники, контролирующие автомобили белорусских граждан, остановили “Фиат-Крому”. Когда они открыли капот (...) оттуда на них уставилась удивленная кошка (...) Белорусский водитель клялся, что ничего не знает о своем необычном пассажире. Так или иначе кошка пересекла границу (...) Однако таможенники проявили снисходительность: они отпустили кошку на свободу и разрешили ей остаться в Польше». («Дзенник», 21 дек.)

- Григорий Явлинский: «Трудно поддерживать польско-российские отношения, если они опираются на торговые вопросы: мясо, газ. В отношениях между нашими странами проблемы оттого, что каждая из сторон ценит свои принципы ведения политики и не знает, чего ожидать от партнера. Польша для России — важная часть Евросоюза и страна, которая никогда не перестанет нами интересоваться. Поэтому жаль, что нет политики Польши в отношении России. После расширения ЕС в 2004 г. нет ни общей политики Брюсселя, ни политики отдельных государств. Польша может сыграть важную роль в ее формировании. Просто вам нужно знать, к чему вы стремитесь». («Тыгодник повсехный», 24 дек.)

- «Мясной скандал, в результате которого Россия наложила эмбарго на импорт польского мяса, получил продолжение (...) 27 июля 2006 г. в Себеже на границе с Латвией были задержаны пять фургонов с мясом (...) Хотя у водителей фургонов были сертификаты, выданные в Великобритании, на мясе были польские товарные знаки (...) Российская сторона сообщила о попытке нелегального ввоза мяса главному ветеринарному инспектору Польши». («Жечпосполита», 5 янв.)

- «Польша сделала важный шаг к независимости от российских поставок газа. В Свиноустье будет построен газопорт, куда сжиженный природный газ будет доставляться от производителей — например, из Норвегии (...) Строительство газопорта не сделает нас полностью независимыми от российских поставок, но позволит получать сырье практически со всего мира. Решение о строительстве газопорта было принято после того, как год назад Россия пошла на газовый шантаж, приостановив поставки в Европу через Украину». («Дзенник», 16-17 дек.)

- «Несмотря на политическую поддержку Брюсселя, Европейский инвестиционный банк не будет кредитовать спорную инвестицию “Газпрома” — Северный газопровод. “Я не пойду на это без согласия Польши”, — заверил президент ЕИБ Филипп Майстадт». («Жечпосполита», 9 янв.)

- «В пятницу нефтяной концерн “Орлен” стал владельцем единственного в Литве нефтеперерабатывающего завода. Это крупнейшая иностранная инвестиция польской фирмы — стоимость завода оценивается в 2,3 млрд. долларов (...) После покупки Мажейкяйского НПЗ (а ранее чешского концерна “Унипетроль”. — Ред.) ПKN “Орлен” стал крупнейшим топливным концерном в Центральной Европе — по количеству перерабатываемой нефти (в общей сложности 31,7 млн. тонн ежегодно) и числу бензозаправочных станций (в общей сложности 2724 бензозаправки в Польше, Германии, Чехии и Литве)». («Жечпосполита», 16–17 дек.)

- Вчера вечером после трехдневного перерыва Россия возобновила прокачку нефти в Польшу по нефтепроводу «Дружба» (...) За несколько часов до разрешения конфликта и возобновления поставок нефти на Запад действия России подвергла резкой критике Европейская комиссия. Ее председатель Жозе Мануэль Баррозу заявил, что перерыв в поставках нефти представляет собой “серьезную проблему в оценке доверия к этой стране”». («Жечпосполита», 11 янв.)

- «Завершился польский этап беатификационного процесса 16 монахинь, убитых в конце II Мировой войны советскими солдатами. Все монахини принадлежали к конгрегации сестер св. Екатерины, девы и мученицы (...) Доказательства преступления и свидетельские показания были собраны сразу же после войны, в 1946 и 1947 годах. В ходе процесса показания дали 50 свидетелей (...) Если ватиканская Конгрегация по канонизации святых даст положительное заключение, а Папа утвердит его, сестры будут объявлены блаженными. Они станут первыми жертвами советских солдат, причисленными к лику блаженных». («Жечпосполита», 19 дек.)

- Проф. Мария Янион, недавно отметившая свое 80-летие, «еще девочкой-подростком видела в Вильнюсе, как немцы гонят евреев в Панеряй. Оттуда не вернулся никто. Спустя многие годы в одном из интервью она призналась, что тогда поклялась самой себе отомстить за них. В книге “В Европу — да, но с нашими мертвыми” она ведет спор с культурной парадигмой польского антисемитизма, дающей о себе знать даже у величайших писателей и поэтов: Немцевича, Сташица, Красинского, Норвида, — а также у великих историков

литературы, например у Станислава Пигоня, который старался очистить Мицкевича от подозрений, будто его мать была еврейкой. Еще с вильнюсских времен ее не покидает трагическое сочувствие к евреям». (Катажина Яновская, «Политика», 16 дек.)

• «Впервые в Польше так публично и громко праздновалась Ханука. По этому случаю варшавский раввин выступил по телевидению, а также был приглашен в президентский дворец. Супруга президента Мария Качинская и президент (мэр) Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц участвовали в публичном зажжении ханукальных свечей [в синагоге] на Гжибовской площади (...) Мне очень нравится то, что делают президент Качинский с супругой в связи с Ханукой. Это знак того, что высшие власти Польши хотят как можно более хороших отношений между поляками и евреями (...) Эти жесты президентской четы в сторону еврейского меньшинства искренни (...) Лех Качинский, как и его предшественник на посту президента Александр Квасневский, старается искоренить в Польше антисемитизм. И, как показывают опросы общественного мнения, эти действия дают результаты». (Анджей Морозовский, «Газета выборча», 27 дек.)

• «Польские войска останутся в Ираке по меньшей мере до конца 2007 года. “Эта миссия имеет смысл, поэтому она будет продолжаться”, — сказал вчера премьер-министр Ярослав Качинский солдатам седьмой смены польского контингента на базе в Дивании (...) Ранее Качинский беседовал в Багдаде с президентом и премьером Ирака. “Иракские власти очень довольны присутствием наших войск и явно ожидают продления нашей миссии”, — сказал министр обороны Радослав Сикорский». («Газета выборча», 21 дек.)

• «В праздничный период выстрелы петард (...) пугают наших четвероногих друзей (...) В новогоднюю ночь [в одной только Варшаве] городская стража отвезла в приюты 40 потерявшихся животных. А недавно хозяева опять лишились полутора десятков собак (...) После Нового года в приют в Целестинове ежедневно звонят по меньшей мере 10 человек, ищущих своих питомцев». («Жечпосполита», 8 янв.)

• «Каждый год на Рождество в Польше убивают 17 млн. карпов. “Карп чувствует боль, как собака или кошка. Но он не кричит, поэтому нам легче игнорировать его страдания”, — говорит зоолог проф. Анджей Эльжановский. Общество “Эмпатия” (“Сострадание”) отмечает сегодня День рыбы. “Мы будем разъяснять, что рыбы — это чувствующие, умные существа. Как люди распорядятся этими знаниями — дело их совести”,

— говорит Дарек Гзыра из “Эмпатии”. Защитники животных напоминают, что условия, в которых содержат, перевозят, продают и убивают рождественских карпов, противоречат закону о защите животных». (Эва Седлецкая, «Газета выборча», 20 дек.)

• В канун сочельника президент Лех Качинский даровал жизнь двум королевским карпам. Он лично выпустил рыб в пруд в варшавском Лазенковском парке. («Жечпосполита», 23–26 дек.)

• «Число воробьев — задорных и веселых спутников человека — уменьшилось в большинстве европейских городов (...) То же самое происходит и в Польше. Воробьи перестали собираться в парках Люблина, а в жилых микрорайонах их стало на треть меньше, чем 30 лет назад. Не лучше обстоит дело в Лодзи или Познани (...) В Варшаве (...) в самом плачевном положении оказались птицы, живущие в садоводствах (...) — их осталось менее 5% от прежнего числа (...) В жилых районах и парках число воробьев тоже явно уменьшилось — остаток составляет соответственно 24 и 8% (...) В общей сложности вместо 50–150 тыс. пар воробьев в начале 80-х сегодня в Варшаве обитает менее 30–100 тыс. пар». (Славомир Загурский, «Газета выборча», 20 дек.)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в партийном рейтинге не произошло серьезных изменений. Лидирует «Гражданская платформа» (33%), опережающая «Право и справедливость (25%)». На третьем месте «Левые и демократы» (11%). Шансы преодолеть 5-процентный избирательный барьер сохраняют еще три партии: аграрная ПСЛ и «Самооборона» (по 5%), а также «Лига польских семей» (4%). («Газета выборча», 9 янв.)

• «Вчера Изабелла Смешек-Дорн официально опровергла информацию о том, будто бы ее муж, вице-премьер и министр внутренних дел и администрации Людвик Дорн, носил коротковатые брюки». («Дзенник», 29 дек.)

• «Архиепископ Станислав Вельгус вступил в управление Варшавской архиепархией, чтобы спустя несколько десятков часов по просьбе Апостольского Престола отказаться от должности (...) Выяснилось, что в 1973–1978 гг. свещ. Вельгус был секретным сотрудником разведки, а на протяжении следующих полутора десятков лет — секретным сотрудником госбезопасности». («Тыгодник повсехный», 14 янв.)

• «Есть сведения, что об отмене инаугурационной мессы ходатайствовал президент Лех Качинский (...) В переговоры

включилась также часть епископов и группа лиц из окружения президента Леха Качинского (...) Они попытались узнать, что известно об этом деле в Ватикане. Все говорило о том, что Папа был дезинформирован, поэтому переговоры велись в обход Апостольской нунциатуры (...) На решение Папы очень эмоционально отреагировал примас Юзеф Глемп. [Его] проповедь прерывалась овациями пришедших на мессу сторонников радио “Мария”, которые, несмотря на позицию Папы, яростно защищали архиепископа Вельгуса (...) Всю субботу свящ. Рыдзык призывал их на волнах своей радиостанции поддержать митрополита». («Дзенник», 8 янв.)

- «Определяя роль примаса Польши, Бенедикт XVI не внял ни премьеру, ни части польских епископов. Титул должен вернуться в Гнезно, с епископской кафедрой которого он был связан на протяжении многих веков. Папа выбрал верность церковной традиции вопреки столичным централистским амбициям (...) В польской Церкви начинается децентрализация — в противоположность польскому государству». (Адам Шосткевич, «Политика», 16 дек.)

- «В специальном коммюнике пресс-служба епископата напомнила, что архиепископ Вельгус уже не член постоянного совета епископата, так как после отказа от должности митрополита Варшавского он получил статус архиепископа на покое». («Газета wyborcza», 12 янв.)

- В Варшаве прошло чрезвычайное собрание постоянного совета епископата Польши, в котором приняли участие епархиальные епископы — в общей сложности 45 иерархов. Епископы почти единогласно решили подвергнуться проверке исторической комиссии при епископате. Проверены будут документы спецслужб ПНР, касающиеся всех епископов и хранящиеся в Институте национальной памяти (ИНП). Эксперты, «знающие характер документов госбезопасности», помогут «оценить доказательную ценность материала». Результаты работы комиссии будут представлены Папе. («Дзенник» и «Газета wyborcza», 13–14 янв.)

- «Суд снял с Малгожаты Незабитовской обвинение в соотрудничестве с госбезопасностью (...) Незабитовскую зарегистрировали в качестве сексота без ее ведома. Несмотря на то что она отказалась встречаться с сотрудниками госбезопасности, ответственный за нее офицер писал отчеты о встречах, где, в частности, была использована информация, полученная в результате прослушивания ее квартиры (...) Продолжавшийся с мая 2005 г. люстрационный процесс начался по ходатайству самой Незабитовской. Бывшая пресс-

секретарь [первого некоммунистического] правительства Тадеуша Мазовецкого хотела снять с себя подозрения в люстрационной лжи». («Газета wyborcza», 12 янв.)

• «Некогда подвергавшийся гонениям “Театр Восьмого дня” теперь ставит на сцене написанные на него доносы. И страшно, и смешно (...) Актеры “Восьмерок” сидят на высоких стульях и читают фрагменты подлинных рапортов, донесений и доносов (...) Корявый язык доносов, шифрограмм и отчетов о спектаклях они сделали осью своей новой пьесы. Ни одна изысканная театральная форма не передаст весь ужас того времени лучше, чем этот бюрократический лепет (...) Когда в 1985 г. коллектив получил премию на всемирно известном театральном фестивале в Эдинбурге, посольство ПНР заявило, что такого театра в Польше нет... Сегодня своим спектаклем “Досье” актеры “Восьмерок” не присоединяются к “охоте на ведьм”, как называет публикацию все новых материалов из архивов госбезопасности Мартин Кеншицкий (...) Они просто показывают, как абсурден был тот мир, в котором им довелось жить и творить. А еще они показывают, что выжить в таком мире можно благодаря дружбе и верности себе». (Иоанна Рушик, «Ньюсуик-Польша», 14 янв.)

• «Руководство “Самообороны” устроило съезд своих парламентариев перед иконой Матери Божией Ченстоховской. Вчера с самого утра, с 8.45, депутаты во главе с вице-премьером Анджеем Леппером приносили там “присягу обновления политической и медийной жизни”». («Дзенник», 18 дек.)

• «Прокуратура располагает показаниями, подтверждающими версию Анеты Кравчик, которая сообщила, что Леппер предлагал женщинам из своей партии “работу в обмен на секс”». («Дзенник», 21 дек.)

• «Несколько десятков человек были допрошены в связи с обвинением лидеров “Самообороны” в сексуальных домогательствах». («Тыгодник повсехный», 7 янв.)

• «По распоряжению министерства образования школы должны представить список всех беременных школьниц». («Тыгодник повсехный», 7 янв.)

• «История проститутки Йоланты, рассказавшей о жестокости своего клиента Анджея Леппера, взволновала не только читателей. Женщину планирует допросить Лодзинская окружная прокуратура, расследующая секс-скандал». («Ньюсуик-Польша», 14 янв.)

- «Советником по вопросам культуры и национального наследия министра сельского хозяйства Анджея Леппера стал Веслав Подгурский, колдун и чревоутомяатель, подозреваемый в неуплате налогов и нелегальной продаже алкогольных напитков». («Тыгодник повшехный», 7 янв.)
- «В конце января Анджей Леппер станет почетным доктором Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М.В Ломоносова (МИТХТ)». («Тыгодник повшехный», 7 янв.)
- «Пусть депутаты не берутся за то, в чем не смыслят. Депутаты должны молиться и каяться — это пошло бы им на пользу» — так архиепископ Славой Лешек Глудзь прокомментировал проект постановления Сейма о присвоении Христу титула Короля Польши. С инициативой выступил Артур Гурский («Право и справедливость»), которого поддержали еще 45 депутатов от ПиС, «Лиги польских семей» и ПСЛ». («Газета выборча», 21 дек.)
- Вице-президент Варшавы Влодзимеж Пашинский: «Каждого, кто попытается мне сказать, будто причина распущенности и агрессивности заключается в избытке прав школьников, я буду кусать». («Газета выборча», 15 дек.)
- «Ченстоховское муниципальное кладбище первым в Польше получило сертификат ISO». («Дзенник», 14 дек.)
- «В деревни стал наведываться зубр — большой молодой бык в расцвете сил, которому пришлось по вкусу яблоки (упавшие на землю, никому не нужные). Части жителей зубр не мешал, более того, они даже гордились им, так как он выглядел как великолепный бронзовый памятник. Если он слишком настойчиво пытался зайти в сад, то получал камнем в задницу и убегал не солоно хлебавши (...) Однако другая часть жителей повела себя так, словно в беловежские деревни пришел не зубр, который, прыгая через забор, поломал две решетки, а Вавельский дракон, пожиратель женщин и детей (...) Звонки в Беловежский национальный парк были так настойчивы, что в конце концов дирекция приняла решение: надо его застрелить. И зубр простился с жизнью. Не потому, что кому-то угрожал или был агрессивен, а потому что не боялся. Это было странно и подозрительно — ведь зверь должен от нас убегать». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 23-24 дек.)
- К инициативе Британского Королевского общества защиты птиц по охране польских мест гнездования камышовки вертлявой подключился Евросоюз. ЕС выделит 5,5 млн. евро на

покупку у фермеров 812 га земли на территории Бебжинского национального парка и нескольких сот гектаров в его окрестностях. («Жечпосполита», 27 дек.)

- «Лучше всего не приручать диких зверей и не стрелять в них ради развлечения, а оставаться каждому в своем жизненном пространстве и испытывать друг к другу взаимное уважение». (Адам Вайрак, «Политика», 23–30 дек.)

ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

В честь ксендза Баки

Ну и мухи,

Ну и мухи,

Пляшут точно молодухи,

В наши пляски влезли,

Как любезная с любезным

На краешке бездны.

Бездна — что безногий,

Бездна — без хвоста,

Лежит у дороги,

Перевернута.

Эй, мушки-дамы,

Мушки-господа,

Вашей думы, вашей драмы

Не узнает умный самый,

Веселитесь навсегда.

На дерьме коровьем

Или на повидле

Исполняйте фигли-мигли,

Исполняйте фигли.

А бездна не ест, не пьет,

Молока не дает.

Что же делает? Ждет.

[2002]

Старый человек смотрит телевизор

Может всё ж вы хоть бы каплю

слёз пролили

а не щерили бы зубы

и для зала сальто не крутили

Чтобы чуточку подумать

есть причины и заботы

не один я это знаю

старый и белобородый

Каждый для отводу глаз

строит рожи ртом и носом

чтоб не догадались что

горький плач в себе мы носим

Ваши штучки и не ваши

а притворны

а хотелось бы вам стенку

головой пробить прискорбной

И далёко отлететь навеки

на свободу

Не считать ни тяжких дней,

ни за годом годы

Значит нам не до конца

здешняя земля мила

Вот на это вы могли бы

подобрать музыку и слова

[2003]

Флейта крысолова

Может, все-таки плохо, что распаду
подверглось

само понятие долга перед отечеством?

Что усердные лакеи и платные палачи

не только не наказаны, а посиживают

на своих виллах и пишут мемуары,

ссылаясь на будущий приговор истории?

Вдруг объявилась небольшая страна,
заселенная

малыми людишками, годная в провинции,

которыми издали управляет империя.

Может, не ошибался Жан-Жак Руссо,

советуя, прежде чем освободить

рабов, образовать их и просветить?

Чтобы не превратились в стаю мордочек,

вынюхивающих корм, пока приближается

крысолов со своею флейтой и ведет их

в какую захочет сторону

Флейта крысолова играет мелодии чудные,

всё больше эпохи «Нашей малой
стабилизации».

Они обещают глобальное кино и вечернее
блаженство

с банкой пива перед экраном телевизора.

Пройдет поколение, может быть, два, и
юноши

откроют незнакомое их отцам чувство
стыда.

И для бунта своего станут искать образец
в давно позабытом антиимперском мятеже.

О «ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ» ЧЕСЛАВА МИЛОША

1.

Уже в момент смерти Чеслава Милоша было ясно, что его читателей ждет чтение сборника, содержащего поэтические произведения, написанные после выхода «Второго пространства». Это предположение подтверждали как стихи, которые поэт успел опубликовать в журналах (прежде всего поэма «Орфей и Эвридика»), так и сведения о неизданном — о том, что терявший зрение Милош успел записать или надиктовать.

2.

Если в Польше, погруженной в политические скандалы, есть еще место великим художественно-духовным событиям, то «Последние стихотворения» — как раз такое событие. Это, однако, не значит, что форма посмертного сборника Милоша, его общий смысл и место в современной (а также будущей) литературе сами собой очевидны.

Проще говоря: только что вышедший сборник — это первое ознакомление с самым поздним Милошем, с опытом поэта последних лет и месяцев его жизни. Теперь время подумать о результатах этого ознакомления.

3.

Последние стихотворения Милоша, когда узнаешь их впервые, кажутся прежде всего продолжением всего его творчества, создававшегося на протяжении нескольких десятилетий. Их чтение — это радость встречи не только с великим, но и с хорошо знакомым.

Задержимся на заключительных строках «Учителя математики»: «бумажный кораблик уплыл / мы шли сквозь какие-то запущенные сады / Ядвига в малиннике разорвала платье / далеко загорались города мирограды / и всё охватил сон»; вслушаемся в финал стихотворения «Химера:

множество»: «Над землей, от бледнеющих на рассвете звезд, / Звук бежит, нарастает. Так говорит тишина. / In Excelsis. Навеки. Благословенна»; подумаем о фразах из стихотворения «Черепаша»: «Янек и Неля не ловили черепаху. / Их унижало родство ее с ними. / Они хотели быть чистым интеллектом. / Вскоре они умерли, и на их стульях никого»... Это же тот самый тип фразировки и интонирования, тот же тип монтажа мыслей и образов, который мы знаем по десяткам прежних стихов. Это же тот самый, крепко поставленный Милошевский голос!

Впрочем, не об одном голосе заходит речь. Достаточно перечитать написанное весной 2003 г. стихотворение «Небо» (которое начинается так: «Сколько я себя помню, всегда хотел быть на небе // И жил тут, зная, что это лишь на время») или относящегося к тому же периоду «Сына первосвященника» — чтобы обнаружить, что мы по-прежнему остаемся в кругу поэтического замысла, который осуществлялся и преобразовывался на протяжении десятилетий, в кругу великой метафизической поэзии, которая ищет человеку место перед лицом истории, природы и Бога и стремится обновить скудеющее религиозное воображение. Этот-то замысел позволяет взглянуть на Иисуса с точки зрения, заставляющей думать, и делает этот взгляд драматическим. Вот что говорит герой стихотворения Милоша, сын иудейского первосвященника:

*Да, отец мой был первосвященник,
но напрасно меня теперь убеждают,
что мой долг — отца осудить.*

*Он был муж праведный и благочестивый,
защитник имени Господня.*

*Он обязан был беречь имя Господне
от скверны из уст человека.*

(...)

*Если б даже мой отец хотел спасти
Назарянина, тот нанес ему страшную рану.
Ранил его благочестие, самой сутью которой*

была уверенность в громадном расстоянии,
отделяющем нас, смертных, от Творца.

Неужто вы, ученики Иисусовы, не понимаете,
что значит для слуха благочестивых ваше утверждение,
будто этот человек был Богом?

Такая речь об Иисусе, где сохраняется христианская точка зрения, но происходит вчувствование в доводы первосвященника, заслуживает долго быть сохраненной в памяти — точно так же, как слова старого Милоша о человеческой телесности и духовности.

4.

Радость, с которой обнаруживаешь в «Последних стихотворениях» следы более ранних произведений поэта и одушевлявший их стиль мышления, не должна заслонить того, что есть нового в посмертно изданном сборнике, то есть того, чего до конца не объяснишь ни существующими описаниями творчества Милоша, ни осуществляемым в этом творчестве поэтически-антропологически-религиозным замыслом. Дело, разумеется, не в том, что в «Последних стихотворениях» произведения, напечатанные при жизни поэта, соседствуют с непечатавшимися, а законченные — с набросками, иногда совсем черновыми; дело и не в том, что Милош не успел (а может, даже и не собирался) сложить эти произведения в единое целое. Дело скорее в том, что место, с которого говорит поэт, необычайно отдалено от опыта, подлежащего проверке и допускающего сочувствование. Или по-другому: дело в том, что степень непроверяемости опыта исключительно высока, что опыт и требует сочувствования, и одновременно его исключает.

5.

Польская поэзия двух последних веков приучила нас к феномену стихов, написанных перед лицом смерти (или смертельной опасности либо радикальной внутренней перемены). В этой поэзии, особенно за последние полвека, значительную роль сыграли выдающиеся произведения поэтов старых и очень старых. Оба эти явления составляют существенный контекст понимания Милошевских «Последних стихотворений». И в то же время позволяют уловить своеобразие Милоша.

Многие польские поэты испытали старость и поэтически претворили этот опыт. Творчески используемый опыт Милоша шел дальше, переходя ту границу, за которой, как я догадываюсь, переживание времени меняет свой смысл — или теряет его. Оттуда и звучит голос поэта, вписанный в его последние стихи. При этом среди «старых мастеров», о которых говорили на рубеже XX и XXI века, Милош был мастером самым несомненным, одаренным высочайшей степенью самосознания, таланта, владения языком и воображением. А также высочайшей степенью ответственности за поэтическое хозяйство. Короче говоря, в опыте Милоша как автора «Последних стихотворений» встречаются, взаимно усиливая свое действие, чувство поэтического верховенства, опыт очень глубокой старости и переживание затягивающегося пребывания перед лицом смерти, на трудноуловимой границе бытия и небытия.

6.

Об указанных мною вопросах последние стихи Милоша говорят значительно меньше, чем можно было бы ожидать, но в то же время достаточно много, чтобы их не удалось обойти. Говорят особым языком, где дословность встречается с намеками, тривиальность с утонченностью, серьезность с раблезианскими (или сарматскими) шутками. Такая речь обращает нас к нескольким ощущениям и переживаниям, которые следует упомянуть отдельно.

7.

Суть первого из этих ощущений — взгляд поэта на собственное творчество с перспективы прошедшего времени. (В стихотворении «Девяностолетний поэт подписывает книги», по поэтике напоминающем трактаты Милоша, мы находим три загадочных стиха, которые как раз так и можно понять: «Да, действительно, написал сочинения. / Это значит всего лишь, что я сознаю, / Как опасно это дело для души»). Этому взгляду сопутствует признание в том, что поэта оставил его демон (daimonion), в невозможности выразить новое, непэтическое состояние:

Демон мой, ты уже две недели меня не навещаешь,

И я становлюсь кем был бы всегда без твоей подмоги.

Гляжусь в зеркало и немило мне мое лицо,

Память раскрывается, а там страшно.

Помутнённый я и несчастный человек.

Совсем другим я останусь в своих стихах.

Хотелось бы остеречь читателей, просить прощения.

Что поделать, даже этой жалобы не умею сложить.

8.

Второе ощущение, куда более драматическое, — чувство отрезанности от живых, чувство, что находишься за рамками их общности. Сжато об этом говорится в выше цитированном стихотворении о девяностолетнем поэте («Теперь, в старости, стою перед свидетелями, / Которые живым незримы»), а еще четче — в другом, озаглавленном «Что́ мне», где живых заменяет другая, прямо не определенная общность:

Что́ мне, да и еще там кому до того,

Что будут и дальше рассветы и закаты,

снег на горах и подснежники

и человечество с кошками и собаками?

(...)

Что нам до того — если в наших краях

умолкает гомон мира

и мы вступаем в Другое, за пространство и время

(...)

Не откликаемся, ибо нет языка,

чтобы понимать друг друга с живыми.

9.

Третье ощущение выражено фигурально — как столкновение с облепившей мглой неясности (так я понимаю заглавную метафору стихотворения «В тумане») или с бездной — отсылающей к внутренней бесформенности («Является Я, и это / совершенно черная пропасть») и внешней незавершенности, упоминаемой в шуточно мастерском стихотворении «В честь ксендза Баки»: «Бездна — что безногий, / Бездна — без хвоста, /

Лежит у дороги, Перевернута. (...) А бездна не ест, не пьет, /
Молока не дает. / Что же делает? Ждет».

10.

Наконец — четвертое ощущение, ключевое в понимании самого позднего Милоша. Это особым образом понятое спасение, избавление, появляющееся сначала в стилизованной (и явно не завершенной) повести «Пан Сыруть», а потом в благородно простой эпиграмме, завершающей «Последние стихотворения».

«Спасению-избавлению» Милош возвращает старое значение, о котором говорится в «Этимологическом словаре» Александра Брюкнера. Оно основано на тождественности глаголов «бавить» «бавить» и «быть». Таким образом «избавиться» становится соответствием «сбыть», «избыть». (Поэтому мы читаем в «Пане Сыруте»: «А не так-то легко избыть бытие»). В стихотворении «О спасении» через это старое значение просвечивает новое, религиозное; только замечая оба значения, их столкновение или гармонизацию, можно открыть позицию поэта и увидеть, как жалоба может соединяться с исповеданием веры:

*Спасённый от почестей и благ,
Спасённый от счастья и забот,
Спасённый от жизни и продления жизни,
Спасённый.*

11.

Размышления над последними стихами Чеслава Милоша только начинаются. Для меня это прежде всего размышления над словом, завершающим «Последние стихотворения». Над тем, в котором жизнь избыта, которое избавлено, спасено.

«Над землей, от бледнеющих на рассвете звезд, / Звук бежит, нарастает. Так говорит тишина. / In Excelsis. Навеки. Благословенна».

«Tygodnik Powszechny»

Чеслав Милош. Последние стихотворения. Под ред. Ежи Ильга, тексты подгот. к печати Агнешка Косинская. Краков, «Знак»,

2006.

Настоящий текст был прочитан 21 октября в зале им Вышнянского Краковского государственного высшего театрального училища на встрече, посвященной «Последним стихотворениям».

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЛОД

Цвета темного апельсина небольшой этот плод
неумело чищу, как яблоко.

А голова кругом идет от любви.

С пальцев стекает сок.

Этот плод неделим. Весь в себе,
как переросшая слива. Без косточки.

Родом он откуда-то из Турции.

Не утоляет жажду.

Моя любовь носит краткое имя.

Два сладко-черных слога
с библейской родословной.

Обнажает в улыбке острые белые зубы
и грешную невинность. Нас заливают волна
нежности племенной.

Мать вождения.

IN MEMORIAM

В годовщину смерти И.Г.

Уходит наше время,
Прах развеянный над Гангом
пролетает через Париж.

Родина исполняет обряд.

Наш великий сын.

Родом был из провинции.
Невинный волшебник
из Лаборатории обмана.
В пробирке
дьявол гордыни.
Помнишь наш смех?
Прежде чем ты стал собой?
Прежде чем врос в себя?
На щеке капля слезинки.
Выпиваю ее
за нашу молодость.
За твое
малое
величие.

* * *

Чего не пережила,
до того не хочу дожить.
Должны вы меня простить,
возлюбленные воздуха,
несостоявшиеся друзья,
неузнанные родные,
непогребенные останки
молоденьких отцов
неродившихся детей.
Какой длинный список
лиц не приглашенных

на мое невеселье.

* * *

Мы умираем вдали друг от друга.

Ты первый.

Я медлю.

Кто написал мне эту жизнь

полную восклицательных

и вопросительных знаков?

Куда делся

шепот многоточий?

Рассудительность тире?

Сослагательное наклонение

как затянувшийся грипп?

И кто подавал мне

доносы на Бога?

В вековых картотеках

существую под девизом:

Я так сожалею.

* * *

После большой любви

— малая жалость

После большого предательства

— тишина.

В чужом городе

спрашиваю прохожего

про дорогу к твоей могиле.

ДЛЯ ТОГО ЛИ ОНА УМЕРЛА?..

— *Вы начали писать поздно, притом по-датски, хотя в Данию приехали, когда вам уже было 30 лет. Как это произошло?*

— Я была уже большая, мне было 52 года. Это свалилось на меня внезапно, в автобусе, в Копенгагене. Я ехала на работу в Королевскую библиотеку, автобус трясся, а я достала лист бумаги и написала три стиха по-датски. Вышла, пришла на работу и сказала своему приятелю-поляку, с которым сидела в одной комнате: «Слушай, со мной происходит что-то неладное».

— *Неладное?*

— Я думала, что сошла с ума.

Он прочитал то, что я написала, и сказал: «Знаешь, давай закроем дверь, а ты пиши дальше».

Так и случилось. Я сидела в состоянии какого-то амока. Потом то же самое дома. Помню, была пятница, а в субботу вечером нам предстояло идти на премьеру «Сапожников» Виткация в постановке Влодзимежа Хермана. К этому времени у меня уже был готов целый сборник.

Проснувшись утром, я мечтала только об одном — чтобы этих стихов не было, а все это оказалось дурным сном. Я перешла из спальни в комнату — но они там были.

Это называется *poeticus raptus*. Почему по-датски? Не знаю. К таким вещам следует относиться уважительно.

— *О чем были эти первые стихи в автобусе?*

— О матери. Весь сборник называется «Дочь моей матери». Это было четыре с половиной года спустя после ее смерти от сердечного приступа, здесь, на улице в Копенгагене. Первое стихотворение в сборнике называется «Пришла пешком».

Моя мама Лёля прошла через четыре лагеря, англичане освободили ее в апреле 1945 г. в Берген-Бельзене, откуда она вернулась пешком, так как Польша не отправила транспортных средств за своими заключенными.

Она организовала группу женщин, возвращавшихся в Краков. В Чехословакии им удалось часть пути проехать поездом. Проводник сказал им, что в Кракове был погром, но они все равно вернулись.

Меня тогда укрывала польская супружеская чета в Добчицах.

— *Не расскажете ли вы о родителях?*

— О военных?

— *Может, сначала о настоящих.*

— Отца я не помню. Знаю о нем лишь то, что рассказывали уцелевшие друзья родителей. И мать. Спортсмен, один из первых горнолыжных инструкторов, байдарочник, по образованию юрист, а родом из бедной набожной семьи в Кракове.

Мой единственный двоюродный брат, девятью годами старше меня, называет моих родителей «дядюшка Томек» и «тетушка Лёля», что для меня всегда звучит экзотически. Ему случалось видеть отца на байдарке с собакой.

Отца застрелили в Плашовском лагере. Есть две версии — почему.

Мать рассказывала, что у отца была группа рабочих — лагерь тогда был еще открытым, выходили на работу. Однажды, когда не все оказались на месте, на поверке стали вычитывать фамилии, от отца потребовали назвать фамилии, он отказывался...

Вы знаете, я столько не знаю, это ужасно, теряюсь в деталях. У меня есть друзья, которые занимаются Катастрофой, они всё знают — выкликали по фамилиям или как-то иначе. Во всяком случае рабочие удрали, и отца застрелили.

— *А вторая версия?*

— У нее такой же финал.

Быть может, отец был Ordnungsdienst, по-нашему капо, в Плашове, — тогда рядом было еще гетто и можно было получать пропуска к семьям. Отец был слишком щедрым в их выдаче, и за это его застрелили.

Правду говоря, мне все равно, я этого мифического отца — которого не знаю, но у меня есть его фотография — обожаю.

Люблю его до безумия. Думаю, что жизнь моей матери и моя сложились бы совершенно иначе, если бы он был жив.

— *А мама?*

— Лёля была родом из богатой семьи. В родном доме, а потом в замужестве ее избаловали. У нее были друзья, с которыми она вела приятную жизнь, играли в теннис, занимались греблей. И вдруг все рухнуло. Она отличалась необыкновенной энергией. Вернулась из лагеря, принялась за работу, воспитывала меня так хорошо, как умела, хотя я сопротивлялась. Я была отвратительным ребенком.

— *Уж прямо так?*

— Да. Наверное потому, что мне было три года, когда меня отдали укрываться.

— *Вы что-то помните?*

— Мое первое воспоминание — как я сижу в автобусе с моим военным отцом Стефаном Капланским после выхода из Плашовского лагеря и что этот автобус красный.

Я знаю, что перед этим мы с матерью были в Бежановском лагере и однажды пришел знакомый матери, еврей Якубович, который укрывался, как тогда говорили, в бункере. Я представляла себе какое-то большое бетонное помещение, а это была яма в земле, прикрытая травой, в лесу неподалеку от Добчиц, на берегу Рабы.

Однажды, придя в лагерь, он сказал, что есть семья, которая охотно взяла бы меня. И прибавил, что мужчину партизаны приговорили к смерти.

— *Странно.*

— Как многое другое. Может, укрывая меня, он сам рассчитывал уберечься.

Мать согласилась, так как альтернатива для ребенка в лагере была ясной.

Капланский по профессии был кондитером. Потом я узнала также, что он был силачом, владел в Добчицах магазином скобяных изделий; у него были штанги, и он показывал цирковые номера, например умел гнуть руками железо, — кажется, когда-то он был циркачом.

— Я помню сцену из вашей книги, когда девочка выходит с иконой Богородицы к мужчинам, которые пришли за отцом.

— Это случилось на самом деле, когда за ним пришли впервые. Я была уверена, что икона отпугнет их, кем бы они ни были. И она действительно подействовала, на какое-то время они ушли. С этого момента, однако, начался великий страх.

Раньше мне было там очень хорошо, я жила в роскошных условиях, прекрасно одетая, причесанная, накормленная, даже слишком толстая — конечно, до смерти Капланского, когда начался голод и я превратилась в скелет.

— В чем там было дело с этим приговором?

Здесь тоже есть две версии. По одной, он помогал, а по второй — выдавал. То ли переправлял евреев через Словакию в Венгрию, то ли брал у них деньги, а потом выдавал. Как в голову придет.

АК приговорила его.

Поскольку появилась я, приговор должны были привести в исполнение, только когда я буду в безопасности.

Неизвестно, АК его убила или так называемые дикие партизаны, молодежь из окрестных деревень, выдававшая себя за аковцев и грабившая дома. Факт, что убили его в конце войны: помню, нельзя было уснуть от грохота приближающейся советской армии, небо ночью было красное. После его смерти они вернулись и подчистую нас ограбили.

Когда я после 21 года отсутствия впервые приехала в Польшу, я отправилась в Добчице. Там встретила двух крестьян, сказала им, кто я, упомянула фамилию Капланский — что он, кажется, был коллаборационистом. На что эти двое ответили приступом смеха: «Коллаборационистом? Помилуйте, да он был еврей. Какой Капланский? Его звали Каплан, типично еврейская фамилия».

Я не слишком в это верю.

Мать говорила мне, что если бы после войны его судили за коллаборационизм, то она бы его защищала.

— А вы?

— А я бы на таком процессе сошла с ума. Мария, Стефан — мои военные родители — и мой настоящий отец стоят для меня на

самом высоком пьедестале. Я могу на них молиться, независимо от того, что они делали и кем были.

— В книге вы размышляете о своем статусе. Фотографии, которые вы описываете в книге, а теперь мне показываете, выглядят как картинки нормального детства: днем, перед домом, на лошади, в купальнике, с родителями, с куклой — улыбающаяся, ухоженная девочка. Скрывали ли вас вообще?

— Помню, что мне следовало сидеть дома. Лишь однажды меня отлупили — когда я вышла в сад и стала звать других детей, хотела им показать ангелов, которых увидела на дереве.

Ксендз меня крестил, меня научили всем молитвам, что было обязанностью всех, кто укрывал еврейских детей.

В саду стояла фигура Фатимской Матери Божией, я увешала ее цветочками. Я была в нее влюблена.

— Вы знали, что Мария и Стефан — не настоящие ваши родители?

— Кажется, когда меня привезли в Добчице, на меня нападали приступы ярости и плача, я кричала, что хочу к Леле. Потом я успокоилась, забылась. Мария и Стефан стали для меня родителями.

В какой-то момент Мария сказала мне, что у меня другая мать. Кроме того крестьяне, жившие по соседству, пугали меня, что приедет ужасная еврейка, которая меня украдет, заберет с собой.

Приезд Лёли на самом деле оказался шоком и трагедией. Я так удачно спряталась в капусте, что она уехала ни с чем. Во второй раз меня забрали силой. Это я как раз помню — я била ногами, плевалась, орала.

Мария потом целый год была с нами в Кракове. Не помню, жила она с нами или где-то ютилась, но была. Она не могла расстаться со мной. И я с ней тоже.

— Отцы убиты, живут две матери и маленькая девочка. В чем состояла такая конфигурация, как она функционировала?

— Маленькая разъяренная девочка, которая Марии говорила «мама», а к Лёле, настоящей матери, обращалась — «пани».

Это вообще не функционировало. Через год Лёля попросила Марию уехать, потому что ситуация была невыносимая.

Понятия не имею, когда она уехала, помню только, что сначала она была, а потом не было.

— *Вы тосковали?*

— Спрашиваете! Я мстила Лёле, издевалась над ней самыми разными коварными способами. Кроме того, я все время ходила в костел, мать ожидала меня перед костелом порой по несколько часов.

— *Что вы там делали?*

— Как что? Молилась.

Я устроила матери маленький концлагерь, и это продолжалось, пока она меня не поколотила, причем так, что я потеряла сознание. У меня и в самом деле, должно быть, был отвратительный характер: стоило мне прийти в себя, как я стала называть ее «мамуся».

— *Почему это произошло?*

— Продавец на рынке увидел ее лагерный номер из Освенцима, подвернул рукав рубашки и показал свой, они обнялись, стали плакать, мать получила от него огромный букет цветов.

Я сказала матери, что совершенно не понимаю, почему этот пан вас обнял и вручил вам эти цветы. Тогда она взорвалась. Жаль, что не раньше.

— *Я помню ваши слова о том, что можно не состояться в роли дочери. Обычно думают наоборот, обвиняют родителей.*

— Я в роли дочери провалилась.

— *О чем вы сожалеете?*

— Обо всем.

— *А что с Марией, военной матерью?*

— Ее я никогда уже больше не видела. Началась школа, подружки, вещи хорошие и плохие. Я занималась спортом: бегала, плавала, играла в волейбол, гандбол, занималась почти всем, кроме — стыдно признаться — лыж.

Я рано стала играть в политику, была пионеркой, потом вступила в Союз польской молодежи [польский комсомол], и все время ходила в костел — у меня была интенсивная жизнь.

На самом деле я стала напряженно думать о Марии, когда решилась уезжать из Польши. Тогда я решила поехать в Добчице. Мне надо было сделать пересадку в Гдове, я вышла, застряла в грязи и вдруг осознала, что уже слишком поздно. Приеду, выходит, и скажу: не было меня там столько лет, а вот теперь я уезжаю, до свиданья. И я вернулась в Краков.

Добралась я туда только 21 год спустя, когда впервые приехала из Дании в Польшу, — Марии уже не было в живых. Мать, кажется, с ней общалась.

Не будем все время говорить о грустном?

— Католичка, еврейка, пионерка, как это все не перемешалось? В стихотворении «Что знал ребенок» вы пишете о двух ореолах, о многих богах. Кем вы, собственно, были?

— Страстной еврейской девочкой, которую всё интересовало. Евангелие, социализм, то, что я еврейка, принимая во внимание, что Иисус тоже еврей, — всё это укладывалось у меня в одно гармоническое целое.

Во второй раз меня крестили, потому что документ пропал, а я обязательно хотела принять первое причастие, приняла и миропомазание.

Моя подруга в Париже напомнила мне — подруги существуют для того, чтобы помнить, — что мы опоздали тогда в костел францисканцев. Обряд миропомазания совершал Кароль Войтыла, который так на нас рассердился и так крепко рисовал знак креста, что у нас даже оставались следы на лбу. Ханя говорит, что чуть ли не кровь из нас лилась.

Моя вера продержалась до 14-го года жизни, тогда я в последний раз была на исповеди.

Спустя годы я была недовольна Лелей за то, что она разрешила мне этот религиозный цирк.

— Мать была религиозна?

— Нет. Но помню, как она сказала: «Можешь верить во что хочешь и просиживать в костеле сколько хочешь, лишь бы помнила, что ты еврейка». И я помнила. Это было вне всякого сомнения.

— В каких категориях вы видите и объясняете мир?

— Причины, следствия и случайности. Случайность — на первом месте.

— *Вы уехали в 1969 году. Коснулся ли антисемитизм вас лично?*

— Он не коснулся меня со стороны близких друзей, но со стороны более далеких хороших знакомых — уже да, со мной просто перестали здороваться на улице.

Я помню антисемитские настроения сразу после войны. Мой любимый Краков, который пережил войну целехоньким — разве что два дома по случайности подверглись бомбардировке, — оказался вредным. Помню неприязненные вопросы типа: «А как же ты, девка, выжила? Как тебе удалось?»

Но потом я не чувствовала антисемитизма. Я изучала польскую филологию и социологию, ездила по деревням, заколоченным досками, и там тоже этого не чувствовалось. Это внезапно пришло сверху и стало распространяться в массах. И это было ужасно. Словно какой-то шприц, отвратительный, огромный укол. Это вызвало у меня наибольшее омерзение.

В университете на дверь кабинета профессора Генрика Маркевича кто-то постоянно наклеивал листок с надписью «Маркевич — еврей». В «Жиче литерацком», с которым я сотрудничала, появлялись статьи о том, что евреи — и называли фамилии друзей моей мамы — сотрудничали с гестапо. А ежедневная пресса — это был просто «Штюрмер».

Потом был март 68-го со всеми этими лозунгами типа «Сионисты — в Сиам». Я была аспиранткой в университете, вела группу студентов, однажды они спросили, что такое «сионист», это был вопрос в самую точку. Недоброе было время. Да еще органы меня постоянно шантажировали.

Я уезжала с большой неохотой, в том числе и по личным причинам, покидала друзей, Краков.

Я бежала от польского антисемитизма, от социализма — моя политическая активность закончилась, когда мне было 16 лет, — и от общей с матерью комнаты.

— *Почему вы выбрали Данию?*

— Тут мне придется кое-что украсть у Мрожека. Датский журналист поехал к Мрожеку в Париж, когда он там жил, и спросил: «Почему вы в Париже?». Мрожек ответил еврейской шуткой: «Приходит Ицик домой, Сара открывает дверь слегка растрепанная, Ицик идет в спальню, открывает шкаф, а там

стоит его лучший друг Давид. — Давид, что ты делаешь в моем шкафу? — спрашивает Ицик. А друг отвечает: — Видишь ли, Ицик, где-то же надо человеку быть».

Вначале я жила на пособие, потом получила аспирантскую стипендию, начала писать для «Свободной Европы», для парижской «Культуры». Гонорары были такие маленькие, что я стыдилась носить чеки в банк. Я стала переводить польскую поэзию. Это были мучительные годы — билась, чтобы иметь здесь что делать.

Я получила место в Королевской библиотеке, где провела 13 лет. Это был самый трудный период моей жизни.

— Ваши книги получили в Дании много премий. Каков психический контакт датчан с Катастрофой, с эмиграцией, которая сюда приехала, ощущают ли они это вообще своей темой? Дания сотрудничала с Германией.

— Дания спасла своих евреев. В октябре 1943 г. шесть тысяч евреев были отправлены на катерах в Швецию. Это не было особо опасным предприятием, так как немцы смотрели на это сквозь пальцы, но все-таки несколько лодок с людьми — и с рыбаками, которые их перевозили, — затонули.

— В том, что я могла прочитать благодаря вашей переводчице Богуславе Соханской, не чувствуется горечи, обиды на Польшу, нет заикливания на антисемитизме.

— Меня спасла польская семья. Не только меня.

Я считаю, что в Польше следовало бы поставить памятник польской прислуге. Она лучше всех знала евреев, жила в еврейских семьях, обладала любовью, теплом, привязанностью и потом спасала еврейских детей. Это были простые женщины из бедных деревень и фанатичные католички.

Кухарка моих дедушки и бабушки спасла Басю Корнгольд, девочку моего возраста. Мой дядя пригласил потом эту женщину в Израиль, у нее есть теперь деревце, посаженное в «Яд-Вашем», она получила орден.

— В стихотворении «Предательство» вы пишете: «Именно совокуплялась с чем-то совсем чужим. С варварскими звуками». Пронзительны и ваши «Добрые советы бездетным».

— Скорее циничны.

Стихотворение говорит о том, как следует устраиваться в жизни тем, у кого нет детей. Как мобилизовать окружающих людей, чтобы они заменили детей, которым полагалось заботиться о нас в старости.

Сама я очень поздно стала жалеть, что у меня нет детей, причем по причинам историческим, оттого, что столько нас погибло.

Почему у меня не было детей? Потому что слишком долго сама я была ребенком. Плохим, но ребенком. Пока не перерезана пуповина, человек боится, что ею зарастет всё, вместе с собственными детьми, и не будет этому конца.

Я, однако, настолько практична, что у меня в собственности частично есть ребенок: у меня есть маленький Давид — «крестник», а скорее «обрезанец».

Я ничего не могу ему дать, поэтому обещала, что буду его любить и научу плавать. Ну и завещала ему мою квартиру. Поэтому я уже не могу из Дании уехать, ибо это был единственный мой капитал.

Впрочем, уезжать уже слишком поздно.

— *Поздно куда? В Польшу? В Израиль?*

— Израиль появился в моей жизни только в 1972 г., когда я поехала туда впервые, к моему будущему мужу, новозеландцу, который тогда еще не был мужем. Он влюбился в меня, потому что, как он сказал, я была одной из немногих, кто знал, что Новая Зеландия — это не Австралия.

В течение года он работал в киббуце, выучил иврит, не был евреем.

Мы были в Тель-Авиве или в Иерусалиме, и вдруг в туалете на автобусной станции я увидела, как тамошняя уборщица нарезает бумагу на куски. И внезапно я страшно затосковала по Польше: так было в Польше в лучших кофейнях. Внезапно я почувствовала себя дома. И впервые подумала, что Израиль мог бы быть моим домом.

— *Почему слишком поздно для перемен?*

— В Дании у меня устойчивая жизнь, я начала писать, печататься. Кроме того, Дания на самом деле много мне дала. И что? Вдруг я собираю манатки и сматываюсь, потому что там

теплей и сердце тянет. Я испытываю постоянное чувство неоплатного долга по отношению к Дании.

Впрочем, по отношению к Польше тоже. Там я получила образование, там начала жить взрослой жизнью, работать. Когда в Дании я стала переводить, тоже резала купоны от жизни в Польше.

Здесь неоплатный долг, там неоплатный долг, и что — ехать под видом более или менее богатой пенсионерки?

Я уже ничего не могла бы дать этой стране. Просто ничего.

Единственное, что в данный момент я могу дать Израилю или Польше, — собрать немного денег и потратить их там. Я же не стану солдатом в Израиле.

У меня избыток богатства — целых три страны: Польша, Дания, Израиль. Порой это становится довольно обременительным. Когда в Польше трудно — я страдаю; когда датский флаг сжигают в арабских странах, потому что кто-то нарисовал пророка с бомбой в тюрбане, — меня это оскорбляет; а в Израиле все время что-то происходит — и мое сердце обливается кровью.

— *В чем проявляется ваше еврейство, в религии?*

— У Франца Кафки есть определение «набожная атеистка». Оно ко мне подходит. Я верю в обряды, в форму.

Моя жизнь была бы куда легче, будь я верующей. Человек приближается к концу, и приятно было бы иметь уверенность в том, что там еще что-то есть. К сожалению, в иудаизме этого нет. Говорится, что когда-то там мы предстанем перед лицом Господа, но предстанем — и что дальше? Сядем? Не знаю. Это не описано.

Приятно было бы знать, что встретишь тех, кого ты обидел, что попросишь у них прощения.

Моя мама, с которой мы раз в год ходили в синагогу на молитву за умерших и постились, наверно представляла себе небо как кафе.

— *Почему?*

— Потому что любила ходить в кафе. Она была очень компанейской.

В Кракове мы всегда украшали елку, праздновали Рождественский сочельник, еврейские знакомые убегали от своих родителей и приходили к нам, на столе всегда была вкусная еда.

Потом она приезжала ко мне в Копенгаген на праздники, и тоже всегда была елка. Пока я не решила, что хватит, мне исполнилось 40 лет, и, может, не обязательно двум еврейкам всю жизнь праздновать Рождество Христово.

Мама приехала и спрашивает: «А где елка?» Отвечаю, что нет и не будет. А она: «Как это? Но сочельник будет?»

Пришлось пообещать ей, что будут другие приемы и встречи.

— *Но Бог есть во многих ваших стихах. Помню «Размышления» о Христе на кресте... «Почему я согласился? Я же их не люблю (...) Может, мог бы vykреститься. Пусть другой меня спасет».*

— Отец причинил Ему ужасную боль. Как можно так относиться к ребенку, еврейскому ребенку? Ужасно.

Нет, не всем можно пренебречь. По-моему, религию придумал человек, и неважно, были у него в генах какие-то метафизические склонности или нет. А все, что придумано, существует. Уже не так важно, существует ли Бог, но можно ли найти лучшего собеседника? Лучшего, чем кто-то, столь мощно придуманный в стольких религиях?

Поэтому я часто позволяю себе диалоги — я за Него пишу и ответы. Разумеется, если Он захочет что-то сказать.

— *«Молитва», стихотворение о смерти матери, заканчивается так: «Что за способ отомстить: на улице умереть!»*

— Я дала себе обещание, что, пока мать будет здорова, мы будем жить вдалеке друг от друга — только в случае болезни я ее сюда привезу, но при одной этой мысли разверзалась пропасть.

Когда она упала здесь, на улице, она было здоровей меня, рядом проходила санитарка, но ничего сделать не удалось, сердце, стояла тяжелая зима 1987 года.

— *Как заканчивается сборник «Дочь моей матери»?*

— Размышлением над тем, что чувствовала мать в последний момент, о чем она думала.

Перед тем как она вышла, мы препирались, купить ей одну или две бутылки вина, — я хотела одну. Помнила ли она об этом? Что увидела перед самой смертью?

Я перевожу это сейчас для вас с датского, вживую.

Еще три предложения:

Теперь я пишу стихи. На датском. Для того ли она умерла?

Беседу вела Катажина Беяс

КРАКОВ — ГОРОД ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ягеллонский университет в Кракове — одно из самых старинных высших учебных заведений в Европе. Но это и вуз, который откликается на требования времени. 12 лет назад здесь появилась Школа писательского мастерства. Таких школ в Европе всего несколько. Об истории и деятельности этой школы мы беседуем с ее директором Габриэлой Матушек.

— Для кого с самого начала была предназначена эта школа?

— Школа писательского мастерства — официально она называется Литературно-художественная студия — была создана в 1994 году. Согласно первоначальному замыслу, мы ориентируемся на тех, кто обладает определенным писательским дарованием, но хотел бы больше узнать о нюансах писательского мастерства. Наши студенты, как правило, уже получили высшее образование. Программа школы включает в себя анализ шедевров мировой литературы, представление современных литературных течений, изучение мирового культурного наследия. Эта программа одобрена Институтом польского языка и литературы Ягеллонского университета. С нами сотрудничают многие известные поэты, писатели и литературные критики. Среди них я могла бы назвать такие имена, как Вислава Шимборская, Адам Загаевский, Эва Липская. Поддерживали нас Чеслав Милош и Станислав Лем.

— У вас уже есть поводы гордиться своими студентами?

— Мы гордимся всеми. Наши выпускники поддерживают с нами постоянный контакт, часто участвуют в наших литературных проектах. Несколько человек стало у нас преподавать. В нашей школе учатся студенты не только со всей Польши, но и из-за границы. В прошлом году у нас появилась талантливая студентка из Брюсселя, а в этом учебном году — молодой литератор из Вены. Наши студенты относятся к разным поколениям, и это придает особый смысл нашим дискуссиям о литературе. Разные взгляды на развитие литературы придают этим обсуждениям особую остроту. Учатся у нас также люди разных профессий — врачи, инженеры, актеры, музыканты.

— А можно ли научить писать?

— Научить — нет, но отшлифовать мастерство — да. Для человека пишущего важно не замыкаться только на своем творчестве, а уметь отстраняться от написанного и, анализируя произведения других, подходить критически к своим работам. Кроме того, не всем удастся открыть в себе писательский талант в молодости и получить признание своего окружения. Одна из задач нашей школы — создание творческой атмосферы, условий, в которых наши студенты могут максимально проявить свое дарование. Многие наши занятия проходят вне стен университета — в горах, в известных литературных кафе...

— Каковы ваши критерии отбора студентов?

— Наша школа считается элитарной. У нас существует строгий отбор. Обучение в школе платное, но мы подбираем людей, у которых действительно есть ярко выраженные литературные способности. Одно из важных условий поступления к нам — отличное знание польского языка. Поэтому учатся у нас поляки, но мы уже думаем о том, чтобы принимать слушателей из Восточной Европы, которые хорошо владеют польским. Это был бы интересный и полезный эксперимент.

— Какие достижения своей школы вам хотелось бы отметить?

— Мы участвовали во многих международных проектах. В 2000 г. нам удалось организовать вместе с нашими немецкими коллегами Форум молодых поэтов, он был очень удачным, обратил на себя внимание и литературных критиков, и прессы. Наша школа была представлена на I Международном конгрессе школ писательского мастерства, который состоялся в прошлом году в Лейпциге. Деятельность нашей школы на этом конгрессе также вызвала большой интерес. Безусловно, важное достижение нашей школы — публикация журнала “Студиум”. Первый его номер вышел 11 лет назад по инициативе наших студентов. Сегодня это уже солидное издание, в котором печатаются литературные произведения, критика, рецензии, практическая информация. Есть у нас и своя книжная серия, в которой издано уже около сорока сборников прозы и поэзии. В этих сборниках мы публикуем работы не только наших выпускников и студентов, но и обращаемся ко всей современной польской литературе. Большим событием для нас было празднование 10-летия нашей школы. Это было два года назад. Мы пригласили около 60 известных писателей и литературных критиков, провели научный симпозиум,

посвященный новым явлениям в современной литературе. Результатом этого симпозиума стало издание сборника “Литература в новой действительности”. Для нас ценна каждая публикация нашей школы.

— Обращаетесь ли вы к русской литературе?

— Конечно. В русской литературе есть такие писатели, без которых нельзя обойтись, говоря о мировом культурном наследии. Я, к примеру, на своих занятиях, посвященных такому жанру, как пьеса, часто обращаюсь к творчеству Чехова. Мы стараемся следить и за современной русской литературой. Я очень ценю творчество Татьяны Толстой, которую знаю лично. К сожалению, в стенах нашей школы еще не было встреч с современными русскими писателями. Мы бы очень хотели наладить сотрудничество с нашими коллегами из Восточной Европы и планируем уже в ближайшем будущем начать приглашать к себе писателей, поэтов, критиков.

Беседу вела Виктория Дунаева

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Первый за этот год номер краковского “Тыгодника повшехного” оказался вдобавок юбилейным: с 1945 г., когда еженедельник начал выходить, он дожил до 3000-го номера (напомним нашим читателям, что “Тыгодник повшехный” значит “Всеобщий еженедельник”). Разумеется, здесь было напечатано немало материалов, посвященных этому юбилею и в особенности Ежи Туровичу, создателю “Тыгодника”, который редактировал его до самой смерти. И действительно есть что праздновать: на протяжении всего периода коммунизма “Тыгодник” был единственным таким явлением между Эльбой и Камчаткой — католический, независимый (насколько это было возможно при коммунистической цензуре) и открытый, настроенный на диалог. После 1989 г. он остался единственным такого рода изданием, где не приняли решения превратить традиционную газету в иллюстрированный журнал, как это произошло, например, с “Политикой”. “Тыгодник повшехный” сохранил достойную форму издания с “полосами-простынями”, с преобладанием текста над фотографией, не замусоренного рекламой до неприличных пределов. Не знаю, каким чудом он до сих пор прочно держится на рынке. Зато знаю, что без “Тыгодника” я не могу и вообразить себе польское пространство периодической печати, — но, может быть, у меня просто слишком убогое воображение. В конце концов известно, что и на рынке прессы действует железный закон, сформулированный чуть ли не Коперником и гласящий, что деньги похуже вытесняют те, что получше.

В истории “Тыгодника повшехного” было несколько занимательных эпизодов, из которых особенно стоит напомнить о том, что случилось после смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. “Солнце человечества” закатилось, а редакция не возложила на его гроб дань словесных почестей. Нет, разумеется, о смерти она сообщила, но никак этого события не комментировала и заслуг покойника не воспевала. В результате редакторов вызвали к высшим партийным властям, но, несмотря на просьбы и угрозы, от Туровича так и не добились положенного поклона перед Сталиным. “Тыгодник” закрыли, но весьма хитрым манером: его передали другому составу редакции — группе католиков,

сотрудничавших с властями и связанными с коллаборационистским объединением “Пакс”, — и на протяжении трех с лишним лет еженедельник выходил под тем же названием, с тем же шрифтом заголовка, в том же графическом оформлении и с сохранением прежней нумерации. Это продолжалось до конца 1956 г., когда Гомулка, придя к власти, вернул “Тыгодник” его законной редакции.

Просматривая №3000, я натолкнулся в постоянной рубрике “Комментарии” на заметку Анджея Луковского “Газовое дыхание медведя”. Привожу ее полностью:

“Опять, как год назад, тема снабжения Европы российским газом выходит на первые страницы СМИ. Главный герой триллера этого года — Белоруссия, которая защищает, как защищают независимость, доступ к „Белтрансгазу” и не соглашается на повышение цен за голубое горючее, идущее с востока. Обе стороны обвиняют друг друга в шантаже, обе применяют в переговорах резкие методы. Никто уже не помнит, что Россия и Белоруссия, две сестры, связанные шарфом союзного договора, находятся (во всяком случае на уровне деклараций) на пороге создания общего государства. Минск рискует довести страну до энергетического, а потом и экономического кризиса, а сам президент Лукашенко — потерять свой пост. Московское закручивание крана может в свою очередь подорвать и так уже расшатанный образ России как надежного поставщика газа европейским потребителям. Еще раз всё ограничилось угрозами — российско-белорусское соглашение было подписано в последний момент. Год назад Москва объявила, что прекращает субсидировать бывшие советские республики и резко повела переговоры о повышении цен на поставляемый ею — и до тех пор дешевый — газ. Дубинку газовой трубы клали на стол переговоров во время обсуждения вопроса с Молдавией, Украиной, Арменией, Азербайджаном и Грузией — всегда стремясь достичь одновременно политических и экономических целей. Российский бизнес-план состоит в снижении затрат, связанных с сохранением зависимости названных стран, а сверх того — в получении доступа к их стратегическим отраслям. Что касается Белоруссии, то речь идет не только о системе транспортировки газа, но и о нефтехимических предприятиях; помимо того, одним из самых мощных инструментов принуждения, использованным в переговорах с Белоруссией, было обещанное с 1 января введение экспортных цен на нефть. Одним словом: зачем доплачивать за дружбу на постсоветском пространстве, когда на ней можно заработать, а при случае держать партнера мертвой хваткой и диктовать ему

политические шаги? Это один из аспектов превращения Российской Федерации командой президента Путина в корпорацию родных и знакомых стоящего у власти. Другой состоит просто в захвате корпоративной кассы — и не нужно приписывать этому шагу слишком глубокую философию”.

Действительно ли это так? Так могло бы быть, если бы Россия не стремилась, достигнув соглашения с Германией, строить альтернативные линии передачи газа, которые не только обходят стороной прибалтийские государства и Польшу, но явно обойдут и Белоруссию, а она, в отличие от Польши и Прибалтики, оказавшись в опасности остаться без притока газа, не может воспользоваться помощью Евросоюза. Так ли уж этот метод потенциальной изоляции Белоруссии лишен “глубокой философии”? Я лично не рискнул бы это утверждать. Газопроводы, как доказывает опыт двух последних лет, — это довольно эффективное, по крайней мере пока, орудие нажима на государства, рожденные в бывших советских республиках. И я предостерег бы против сведения шагов такого рода исключительно к корпоративно-экономическому аспекту, хотя он, разумеется, тоже существен.

Более широкую точку зрения, затрагивающую и этот аспект российской политики, можно извлечь из статьи Мариана Броды “Склад ума, традиции и большевистский опыт России” в последнем номере гданьского либерального журнала (ежеквартальника) “Пшеглэнд политичный” (№79–80, 2006). Автор пишет:

“Вопрос о связях большевизма с российским складом ума и культурно-политическими традициями по-прежнему остается важным не только для того, чтобы лучше понимать генезис, основы и результаты коммунистического опыта России, но и для размышлений о ее сегодняшнем дне”.

Брода как бы обращается к мыслям таких польских авторов, как Кухажевский или Здеховский, и усматривает принципиальную непрерывность российского имперского склада ума, на который как фактор усиления подействовал советский опыт:

“Марксистские схемы и содержание, однако, маскировали — следовательно, нередко усиливая его влияние — момент непрерывности между дореволюционной и большевистской Россией, между царской и советской империей. Дело обстояло так хотя бы потому, что роль антикультуры в коммунистический период там была отведена не столько русскому прошлому, сколько капитализму и Западу. Кроме того в рамках марксистско-ленинской идеологической матрицы

(экономический базис — идеологическая надстройка) значение и влияние духовно-культурных и государственных традиций России (с культом самодержавной центральной власти, включавшим преданность ей и повиновение) были принципиально маргинализированы, почти убраны из поля зрения. Ускользал от внимания и тот факт, что большевистская идеология позволила сохранить традиционное, порожденное византийским влиянием отношение к Западу, по-прежнему рассматриваемому как по сути “еретический”, “гнилой” и “упадочный” (ибо он обладает “ложным классовым сознанием”), “реакционный”, “реваншистский”, “буржуазный”, “империалистический” и т.п. Не обращали внимания — или рассматривали их всего лишь как исчезающие реликты прошлого — и на проявления очевидного возрождения в новых идеологических одеждах целого ряда ранее сформировавшихся позиций, мифов, чаяний и убеждений, включая восприятие своего государства как “души мира”, “Третьего Рима” или же, и это прежде всего, страны, располагающей привилегией особой свободы. Их суррогатами стала, в частности идея Москвы — столицы III Интернационала, отечества и ростка грядущей всечеловеческой коммунистической общности и связанная с ней вера в возможность скорого „скачка в царство свободы””.

Читая эти слова, я вспомнил два случая. Один — давний, 70-х годов, когда Рышарду Пшибыльскому за публикацию его статьи “Ставрогин”, где было показано византийское упрощение ценности Третьего Рима, после вмешательства советского посольства надолго запретили печататься. А другой — совсем свежий: в Екатеринбурге, пойдя в недавно построенную церковь “на Крови”, я слушал проповедь православного монаха против “западных новшеств” с одновременным восхвалением самодержавия как сути русского самосознания.

Вернемся, однако, к статье Броды. Говоря о возрождении более ранних мифов, он говорит:

“Если ближе приглядеться к наличию подобных феноменов в царской России и различных их суррогатов и метаморфоз в Советском Союзе, то обнаруживаешь — до известной степени общие — архаические истоки тех и других, а также консервирующее и в то же время модифицирующее влияние православия, а затем большевистской идеологии на их поведение и поддержание. Это позволяет опознать ряд религиозных, культурных, социальных, политических и прочих элементов, способствующих устойчивости и жизнеспособности подобных явлений — таких как особая

харизма власти, идея „государства правды”, отождествление ростков Царства Божия на земле с русской и российской землей, стремление России, русской Церкви и центральной власти играть роль единственного хранителя и носителя „высшей истины”, идеал „целостного знания”, соединяющего сакральное и мирское, мощный эсхатологизм, мистический реализм, соборность и общинность, космизм и онтологизм, мессианство и миссионерство, культ личности, убеждение в том, что Россия занимает „центральное” место в мире, вера во всечеловеческий характер „русской души” и т.п. Любопытным кажется опознавать нередко парадоксальные последствия обстоятельств, в которые вплетено русское самосознание в послепетровские времена, а в особенности идентифицировать ряд факторов, способствующих поддержанию, возрождению, иногда даже усилению традиционных культурно-психологических архетипов, подвергающихся одновременно той или иной мистификации, модификации и спецификации. Тогда в поле зрения в особенности появляется — относящийся как к послепетровской России вообще, так и к большевистскому эксперименту — феномен „негативного синтеза” российских и западных социальных и культурных ценностей, который, кажется, настолько же определяет „трагический алгоритм русской судьбы”, насколько и тот исторический вызов, на который в России по-прежнему не могут полностью ответить. Указывая многообразные проявления соразмерности некоторых — часто основополагающих и существенных — типов содержания, формы и психологической, культурной, идеологической и политической структуры дореволюционной России, с одной стороны, а с другой — марксизма и большевистской идеологии, не следует ставить это на службу, как то временами бывает, слишком одностороннему связыванию коммунизма и России. Одно из проявлений сохраняющейся жизнеспособности такой тенденции состоит в том, что процессы, совершающиеся в сегодняшней России, автоматически рассматриваются как продолжение советской действительности и почти повсюду выискиваются симптомы рекоммунизации или ресоветизации”.

Трудно не согласиться с Бродой: целый ряд истолкований нынешних тенденций российской политики почти бездумно отсылает к практике Советского Союза. Между тем большевистский эпизод, хотя важный и не такой уж в России короткий, не должен заслонять более глубокие корни (а также более “глубокую философию”) того, с чем мы имеем дело сегодня. Верными представляются и замечания, которыми завершается статья Мариана Броды:

“Податливость России XX века на процессы большевизации позволяет обнаружить целый ряд более общих факторов, прочно и глубоко вписанных в русскую историю, ее политические и культурные традиции и социально-психологическую действительность. Многие из них — несмотря на все изменения, модификации и преобразования — остаются жизнеспособными и сегодня, одушевляя позиции и чаяния, ценности и мифы, которые вовсе не обязательно оказываются простым продолжением и метаморфозой большевистскости или советскости России. Во многих случаях им способствуют факторы, имеющие гораздо более прочную и продолжительную природу. Тут я прежде всего думаю о наследовании определенного типа позиций по отношению к власти и о реакции на внешний, особенно западный, контекст, а также и о связанных с этим вызовах, которые история бросает судьбе России на протяжении по крайней мере нескольких столетий. Можно ожидать, что независимо от темпа и размаха перемен современного мира их влияние на будущий опыт и судьбу родины Достоевского, влияние тревожное и сильное, но вовсе не роковое и всеодолевающее, окажется куда сильнее и прочнее, чем сила и жизнеспособность уходящего в прошлое коммунистического наследия”.

Автор статьи — историк русской политической и общественной мысли. Он опубликовал две серьезных книги: “Народнические амбивалентности” (2003) и (в соавторстве) “Коммунизм в России и его польские истолкования” (2006). Таким образом, это один из тех наших ученых, которые стараются познать Россию. Но если так, то меня слегка удивляет лишь одно (потому что выше цитированный текст меня крайне заинтересовал), а именно то, что Брода использует языковую схему. Называть Россию “родиной Достоевского” хоть и верно, но отсылает к истертому стереотипу. Если уж вообще определять Россию через литературные ассоциации, то я предпочел бы назвать ее “родиной Бабеля” или “родиной Венедикта Ерофеева”. Но это мои ассоциации, а мои студенты, вероятно, нашли бы точку отсчета еще ближе к нашему времени и говорили бы о “родине Пелевина”.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* Новым президентом Польской Академии наук избран профессор Михал Клейбер, специалист в области механики и информатики. В 2001–2005 гг. М.Клейбер был министром науки и информатизации, сейчас он, в частности, общественный советник президента Качинского. Когда его спросили о задачах, стоящих перед ПАН, он сказал: “Прежде всего проводить исследования на самом высоком мировом уровне. Растить крупных лидеров, учителей, собирающих вокруг себя способных исследователей. Сплачивать сообщество перед лицом серьезных требований. (...) Задач много, но ни одной мы не осуществим, если не найдем, как ускорить карьеру молодых ученых”.

* Важнейшими культурными событиями минувшего года в Польше стали, по признанию критики, следующие. В кинематографии — кинофильмы “Площадь Спасителя” Кшиштофа Краузе и Иоанны Кос-Краузе, “Возврат” Славомира Фабицкого, “Как это делается” Марцеля Лозинского. Лучшие театральные спектакли — “Горные вершины спят...” по произведениям Томаса Бернхарда, режиссер Кристиан Люпа, варшавский Драматический театр; “Тартюф, или Обманщик” Мольера, режиссер Жак Лассаль, варшавский Национальный театр; “Сон в летнюю ночь” Шекспира, режиссер Майя Клечевская, краковский Старый театр. В области серьезной музыки — фестивали: “Шопен и его Европа”; Фестиваль музыки Павла Шиманского — “творчество выдающегося польского композитора среднего поколения получило наконец должную оценку: были исполнены сорок его произведений; мероприятие беспрецедентное и бескомпромиссное”; “Wratislavia Cantans” (“Поющий Вроцлав”). И, наконец, в области изобразительного искусства — выставка “Польская живопись XXI века” в галерее “Захента”, первая за последние несколько лет широкая панорама современной польской живописи; присутствие польских художников на мировой арене — “участие выставки работ Павла Альтамера в Центре Помпиду, признание журналом „Flash Art” Вильгельма Сасналя самым многообещающим среди художников, значительные достижения Моника Сосновской, Петра Укланского, Артура Жмиевского”; выставка “В Польше, то есть где?” в варшавском Центре современного искусства.

* Премии для самых многообещающих молодых авторов, называемые “Паспортами”, присудил еженедельник “Политика”. Их получили: в области литературы — Яцек Дехнель “за роман „Ляля”, за оригинальное преобразование литературных традиций и за свободное владение как прозаическими, так и поэтическими формами”; в области кинематографии — Славомир Фабицкий “за кинофильм „Возврат”, показывающий, как делает нравственный выбор молодой поляк, растущий в современной действительности, за художественную и социальную отзывчивость”; в области театра — Майя Клечевская “за то, что бескомпромиссно и при этом мудро вписывает в классические сюжеты потерянную современному человеку, а также за живописное воображение, позволяющее воздвигать на сцене поразительные миры”; в области визуального искусства — группа “Твоживо” (“Материал”) “за искусство, новаторски соединяющее слово и образ, за смелое вторжение со своими работами туда, куда искусство до сих пор не проникало”; в области музыки — скрипачка Агата Шимчевская “за упорство, отсутствие претенциозности и замечательное мастерство”; в области популярной музыки — Фиш и Эмейд (братья Бартош и Петр Ваглевские) “за творческие поиски, формирование отечественных стандартов исполнения, новое определение хип-хопа и последовательный курс „против течения””. И, наконец, звание творца культуры удостоена отмечающая в эти дни свое 80-летие Мария Янион, великий исследователь польской литературы, обожаемый студентами университетский преподаватель, которая воспитала многие поколения полонистов.

* “Учитель, всех нас научивший современному прочтению романтизма, она показала нам, как должно выглядеть настоящее ученье”, — написал о Марии Янион в связи с ее юбилеем Войцех Орлинский. Торжества были шумными, а настоящим праздником их сделал выход последней книги убеленного сединами автора “Невероятная славянщина”, где Мария Янион размышляет над тем, откуда берутся наши извечные трудности с собственным самоопределением. “Невозможность идентифицироваться с национальным прошлым, — пишет рецензент Анджей Франашек, — может, таким образом, возникать из-за отрыва от славянской мифологии, которую латинские миссионеры считали чем-то худшим, обреченным на искоренение. Наши предки, в принудительном порядке обращаемые в христианство, взирали на свои свергаемые, уничтожаемые, унижаемые божества, и „отголоски этого языческого отчаяния ощущались

на протяжении веков — как историческая травма — и не могли исчезнуть без следа в культуре славянских народов””.

* 81-летний поэт Тадеуш Ружевич вновь будоражит общественное мнение своими новыми драматическими произведениями. “Вперед, дева, вперед” — саркастический пастиш молодой польской прозы. “Чихи, история о 13-й великой реформе театра” — сценический гротеск; “эти тексты вписываются в сатирическое направление, которое прослеживается в творчестве Ружевича с самого начала”, — пишет Ян Столярчик, литературовед и старый друг поэта. “Ружевича, — добавляет знаменитый режиссер Казимеж Куц, — я ценю прежде всего за то, что он сохранил в себе мальчишку-озорника. Он постоянно издевается над миром, который ему противен”. И хотя пьесы Ружевича (за исключением, быть может, “Картотеки”) не часто попадают сейчас на сцену, его творчество, пишет Роман Павловский “остаётся важной точкой отсчета для поколения его внуков”.

* Среди бестселлеров первое место на сей раз заняла последняя часть трилогии Анджея Сапковского под названием “Lux perpetua”. За ней следует очередной том Богуслава Волошанского “Сеть. Последний бастион СС”: свои обширные познания о II Мировой войне автор теперь использует в романах. А в категории документальной литературы огромным успехом пользуется “Салон 2. Алфавит” Вальдемара Лысяка, который во всём видит зловещие происки темных сил, называемых “салонем”, и находит себе читателей, склонных ко всякого рода подозрительности. На следующем месте после книги Лысяка труд Анджея Пачковского “Польско-ярузельская война. Военное положение в Польше. 13/XII 1981—22/VII 1983”, “первая достаточно полная монография о военном положении, написанная известным историком. Увлекательное чтение не только для тех, кто все это пережил, — пишет Анждей Ростоцкий. — Я никогда не думал, оценивая военные силы, брошенные против общества, что они были так велики. Из казарм были выведены целых 80 тыс. солдат, танки, БМП и артиллерия. Это надо прочитать!”

* Выход книги “Упражнения в памяти”, последнего тома избранной театральной эссеистики Эрвина Аксера, придал особой праздничности торжествам его 90-летия. “Режиссер, родившийся в 1917 г. в Вене, не верил ни в модные веяния, ни в силу молодости, — пишет Иоанна Деркачев. — Он не примыкал к глашатаям соцреализма, с недоверием присматривался и к движению студенческих театров. (...) его театр — это прежде всего театр, спасающий и сохраняющий утраченное время,

отходящие эпохи, уходящие поколения”. Что не помешало ему, возглавляя на протяжении почти сорока лет варшавский Современный театр, ставить на польских сценах Славомира Мрожека, а также пьесы Уайлдера, Дюрренматта, Фриша, Беккета, Ионеско.

* Первым лауреатом московской Мейерхольдовской премии, присуждаемой за выдающийся вклад в театральную режиссуру, стал польский режиссер Кшиштоф Варликовский, который показал в Москве спектакль “Крум” по пьесе израильского драматурга Хануха Левина. “Варликовский, — пишет из Москвы Томаш Белецкий, — это один из авторов художественной революции, которая произошла у нас около десяти лет тому назад. Тогда зрители убедились, что спектакль может стать не только развлечением, но и терапией, молитвой, травмой или культовым событием”. На несколько дней Варликовский стал героем московских СМИ, а на церемонии вручения премии был представлен только что вышедший посвященный ему альбом.

* Збигнев Яжина, еще один режиссер варшавского театра “Розмаитости” (“Всякая всячина”), в котором работает и Варликовский, поставил в венском “Бургтеатре” свой вариант древнего мифа о Медее. “Мне было важно, чтобы венская „Медея” стала современной эманацией мифа. Я хотел показать, — говорит Яжина, — каким предстает он в наши времена”.

* За спиной новаторов из “ТР” возникают новые сцены и новые замыслы. В кофейне “Культурная”, пристроенной к варшавскому Драматическому театру, регулярно проходят выступления сламовцев. “Слам — это прежде всего интерактив со зрителями. Комментарий, живая реакция”, — пишет журналистка. Способ подать поэзию, который все чаще заменяет все остальные, но в то же время и втискивается в театральные схемы.

* В Варшаве в возрасте 70 лет скончалась популярная исполнительница песен Данута Ринн.

* Подводя итоги 2006 г. в области музыки, Роберт Санковский пишет: “Минувший сезон в Польше — это два значительных явления. Первое — целый фейерверк фестивальной жизни. (...) Второе явление — возрастание значения альтернативных каналов пропаганды музыки. Альтернативных сегодня, ибо завтра они могут стать доминирующими. (...) Пока что в польском Интернете лучше всего идут шутки, но уже завтра популярность могут завоевать серьезные мастера. И тогда мы сможем говорить уже не о курьезе, а о революции”.

* В Варшаве завершился фестиваль “Watch Docs. Права человека в кино”. Тадеуш Соболевский пишет об этом следующее: “В логотипе фестиваля (...) лающая собака, стерегущая дом. Этот символ прекрасно соответствует тем фильмам, которые были отмечены премиями. Собака не обязана знать, что чем обусловлено, и принимать во внимание исторические обоснования, которыми руководствуется агрессор. Она беспристрастна. Она лишь предостерегает от перехода границы, от нарушения прав человека”.

* Звание “Журналист года” в конкурсе “Гранд-Пресс” получили Томаш Секельский и Анджей Морозовский, авторы программы “Теперь мы” на частном телеканале ТВН. Получая премию, Секельский привел китайский анекдот о разнице между собакой и львом: “Собака бежит за палкой, которую кто-то бросил. А лев следит за рукой того, кто бросил. Такова разница между плохим и хорошим журналистом”.

* Продолжается дискуссия об авторских правах на фильмы и программы, снятые во времена ПНР на государственном телевидении. Тогдашнее беззаботное отношение к собственности мстит сегодня, в том числе и авторам, и в результате неизвестно, кому принадлежат права на самые популярные программы и сериалы. Поэтому, например, невозможно показать самые популярные и по сей день сериалы, снятые в ПНР, такие как “Четыре танкиста и собака”, “Ставка больше чем жизнь”: государственное телевидение, принявшее их как “законное наследство”, не желает их показывать, так как они фальсифицируют историю, но в то же время не желает даже за деньги предоставлять их тем, кто в подобных ситуациях согласен на некоторые поэтические вольности. Противники Польского ТВ требуют создать наконец общедоступный архив и собрать в него все снятые прежде на бюджетные деньги телепрограммы и фильмы. Рассматриваются и другие возможности, но пока что сохраняется патовая ситуация, а Польское ТВ играет роль собаки на сене: сама не ест и другим не даст.

* Двадцать пять лет со дня введения военного положения — это также повод отметить четверть века создания расцветших в то время подпольных структур и организаций. Быть может, самым важным событием в тот период стала организация — уже существовавшего, впрочем, и раньше — подпольного издательского движения. В этом смысле следует вспомнить шумно отметивший свой 25-летний юбилей, но сегодня уже, разумеется, не существующий “Тыгодник Мазовше”. “„Тыгодник”, — пишет Павел Смоленский, — был таким чудом

конспирации, какого прежде не случалось даже с нами, знающими толк в кознях поляками, устраивавшими заговоры против царей, Гитлера и отечественных держиморд. Он был (...) кровеносной системой оппозиционной работы. А также символом свободной Польши во времена порабощения”.

* “Только искусство тебя не обманет” [по-польски “искусство” и “обманет” рифмуются: “штука” и “ошука”] — этот текст с плаката Павла Яродского стал своего рода девизом необычайно любопытной выставки — “Польская живопись XXI века” в галерее “Захента”. “В этой гигантской экспозиции, — пишет Дорота Ярецкая, — принимают участие 60 художников, представителей нескольких поколений из самых разных мест, живущих и работающих как в Польше, так и за границей. (...) Моравинская, куратор выставки, руководствовалась простым принципом: необходимо показать, что делали польские художники на протяжении последних шести лет. Она отказалась от идеологической или философской постановки вопроса (...) Однако, чтобы все не было чересчур уж просто, она отказалась от чисто технологического определения живописи. Речь идет не об отступлении в эпоху холста, кисти и терпентина, а о том, чтобы увидеть, что сегодня художники думают о живописи. Отсюда несколько растянутые границы жанров на этой выставке. А моменты, когда живопись выходит за свои традиционные рамки, создают на выставке напряжение”.

* В здании Королевского замка в Варшаве открылась выставка “У трона Царицы Польши”, на которой экспонируются сокровища из крупнейшего польского места поклонения Пресвятой Деве Марии — монастыря ордена паулинов на Ясной горе в Ченстохове. “Выставка, — пишет Ежи С. Маевский, — это нечто вроде повествования об истории Ясногорского монастыря через самые ценные предметы, приносимые сюда в дар от средневековья по сей день”.

* На 2007 год известные критики предсказывают: в области литературы это будет “голос новой эмиграции. Польская эмиграция в ЕС — явление впечатляющее, она еще не сыграла в культуре такой роли, как предыдущие волны большой эмиграции. Но такая роль ей безусловно предначертана”. Этот год также должен стать “годом польской популярной литературы. Не объемного романа о духовном состоянии нации, а скорее компактных, жанрово многообразных книг, которым теоретически отведены нижние полки”. В области театра 2007 год должен стать “годом восстановления интереса к частной жизни. После повышенного интереса к жанру

политического театра нас ожидает его постепенная эволюция. (...) Короткие истории, экономность формы, сказочность соответственно духу нашего времени — вот те средства, которые будут использовать артисты”. А в области кино — “год первых польских фильмов, снятых за немалые деньги. (...) Новинкой окажется волна исторических картин — это будет первая в свободной Польше столь масштабная попытка кинематографистов померяться с новейшей историей”. В области изобразительного искусства нам обещают “год польских художников за границей. Их присутствие на международной сцене станет еще более интенсивным, чем в 2006 году. (...) Не только мы сами продвигаем и показываем в мире наше искусство. Польские художники все чаще получают приглашения от зарубежных кураторов”. В области музыки это будет “год Шимановского. Сейм утвердил закон, объявляющий 2007 год „Годом Кароля Шимановского”. Следует скоординировать усилия, чтобы Шимановский стал нашей визитной карточкой, подобно тому, как это сделали наши соседи с Яначеком и Дворжаком”. Это будет также “год польской музыки в Интернете. (...) Если и можно где-то найти настоящее и полное отражение отечественной музыкальной жизни, то только в Сети”. И, наконец, на телевидении предполагается “год тематических каналов. На всех крупнейших телеканалах мира уже давно знают, что продукт, удовлетворяющий сразу всех, не удовлетворяет никого. (...) Среди новых тематических каналов уже работает канал ТВН „Война и мир”, предлагающий телезрителям советскую и российскую фильмографию”.